

Изъ воспоминаній В. И. Ярославскаго *).

Я родился Ахтырскаго уѣзда въ селѣ Тростянцѣ отъ дьячка Вознесенской церкви Ивана Антоновича Ярославскаго. Въ дѣтствѣ сказывали мнѣ, что отецъ мой умеръ прежде моего рожденія. Помню, что я жилъ съ матерью моею Марьею Васильевною, рожденною въ городѣ Краснокутскѣ, въ нашемъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ чрезъ улицу прямо противъ Вознесенской церкви; отъ случившагося пожара сгорѣла эта деревянная церковь и домъ нашъ вмѣстѣ съ сосѣдними домами; пожаръ былъ такъ силенъ, что мать моя едва успѣла спасти сундукъ на колесахъ съ ея платьемъ.

Мать моя перешла на житыѣ въ господскій домъ, стоявшій чрезъ площадь противъ господскихъ каменныхъ конюшенъ, а отъ сѣвера противъ каменнаго двухъ-этажнаго магазина. Въ этомъ домѣ жилъ какой-то ея родственникъ, престарѣлый человѣкъ съ женою старухою, — по фамиліи, помнится, Лозинскій, который прежде былъ управителемъ всего Надержинскихъ имѣній и былъ ими уважаемъ. Этотъ домъ былъ обширенъ, съ флигелемъ

*) Непремѣнный членъ Стат. Комитета протоіер. Н. Лащенко въ пред- ставилъ весьма интересныя воспоминанія уроженца Харьковской губерніи, В. И. Ярославскаго, носящія заглавіе: „Тайная исповѣдь о моей жизни и дѣлахъ и о лицахъ, съ которыми я имѣлъ связи и сношенія“. В. И. Ярославскій, по окончаніи въ 1797 г. курса ученія въ Харьковскомъ казенномъ училищѣ (родъ кадетскаго корпуса), поступилъ на службу въ Харьк. губ. правленіе канцеляристомъ; затѣмъ, считаясь на службѣ при Сумской городской полиціи, жилъ у разныхъ помѣщиковъ Харьк. губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора; въ 1806 г. онъ попалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ прослужилъ всего два года; въ 1808 г. былъ уже въ г. Херсонѣ губернскимъ архитекторомъ, въ 1817 г. тамъ-же совѣтникомъ казенной палаты, въ 1821 г. былъ совѣтникомъ Таврич. губ. правленія. Потомъ онъ состоялъ на такой же должности въ г. Тулѣ и въ 1833 г. уволился отъ должности. Затѣмъ Ярославскій жилъ въ г. Сумахъ, до самой смерти, пользуясь заслуженнымъ пенсіономъ. Ярославскій, кромѣ отправления служебныхъ обязанностей, интересовался также литературой: еще въ юности занимался для себя переводами съ иностранныхъ языковъ. Въ сороковыхъ годахъ, какъ видно изъ его писемъ къ петербургскому знакомому, занимался составленіемъ Историческаго лексикона замѣчательныхъ мужей, — имѣлъ желаніе написать руководство по сельской архитектурѣ, и пр. Записки его о службѣ въ Новорос. краѣ представляютъ большой интересъ; но мѣсто ихъ не здѣсь, а въ „Кіевской Старинѣ“. Здѣсь же можетъ быть помѣщено лишь то, что относится къ г. Харькову и Харьковской губ. Часть воспоминаній Ярославскаго, касающаяся нашей мѣстности, знакомитъ насъ съ нѣкоторыми сторонами мѣстной жизни и съ личностями, имѣвшими большее или меньшее значеніе въ краѣ. При крайней скудости этого рода памятниконъ въ Харьковской губерніи, нельзя не оцѣнить историко-бытоваго значенія настоящихъ записокъ. Полагаемъ, что и люди строгой науки останутся благодарными Н. А. Лащенко за сообщеніе этого матеріала. Редакція Календаря считаетъ необходимымъ снабдить помѣщаемыя здѣсь воспоминанія краткими пояснительными примѣчаніями. Свѣдѣнія, сообщаемыя Ярославскимъ о В. Н. Карзинѣ, выдѣлены въ видѣ особой замѣтки. *Ред.*

конюшными, съ садомъ, гдѣ была аллея большихъ липъ, а дворъ обгороженъ частоколомъ и обсаженъ вербами. Помню, что престарѣлый этотъ родственникъ, котораго называли моимъ дѣдушкой, умеръ въ глубокую осень; его хоронили въ большую мятель.

По смерти этого дѣдушки, вскорѣ женѣ его отвели другой господскій новый деревянный домъ, ниже каменнаго того хлѣбнаго магазина, въ который мать моя перешла жить. Зимой мать моя поѣхала въ Ахтырку на ярмарку, къ родной своей меньшей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, бывшей замужемъ за дьячкомъ соборной церкви, гдѣ находится чудотворный образъ Богоматери; этого моего дядю звали Димидъ Петровичъ; онъ хорошо игралъ на гусяхъ и училъ церковныхъ пѣвчихъ. Тамъ мать моя услышала отъ прїѣзжихъ изъ Краснаго Кута на ярмарку, что мать ея, Дарья Осиповна, опасно больна горячкою; она поѣхала къ ней; сказывали, что такъ старательно и неусыпно смотрѣла за больною, что сама заболѣла еще сильнѣйшею горячкою и вскорѣ умерла. Помню, что когда весною получено было въ Тростянецѣ извѣстїе о ея смерти, то я, сидя надъ рѣчкою, горько плакалъ цѣлый день, хотѣлъ самъ умереть, а возвратясь въ домъ, не ѣвши цѣлый день, съ гоюя, легъ спать. Такъ въ печали и частыхъ слезахъ прожилъ я съ бабушкой лѣто, а зимой ее обворовали; вскорѣ послѣ воровства и она умерла. Итакъ я, бывши пяти или шести лѣтъ, безъ всякой помощи, остался круглымъ сиротою; по этой причинѣ не помню ни дня моего рожденїя, ни сколько мнѣ тогда настояще было лѣтъ; а спросить о томъ, по дѣтской моей беззаботности и незнанїю, что это необходимо нужно, не подумалъ. Родной братъ моего дѣдушки прїѣхалъ изъ Боромли, забралъ оставшееся движимое имущество и меня взялъ съ собою. Помню, что, проѣзжая черезъ село Радомль, я обѣдалъ за столомъ помѣщика, который былъ какой-то родственникъ этому дѣдушкѣ.

Въ Боромлѣ я жилъ въ самомъ горестномъ положенїи, спалъ всегда подъ коморою; отъ простуды или отъ горя все лѣто былъ боленъ лихорадкою. Бабушка была ко мнѣ не ласкова и какъ будто она тяготилась мною, хотя не имѣла собственныхъ дѣтей; она требовала отъ своего мужа, чтобъ отвезъ меня обратно въ Тростянецъ и отдалъ какому-нибудь родственнику. Этотъ дѣдушка привезъ меня туда въ Спасовку. Проѣзжая по улицамъ Тростянца, съ горестїю смотрѣлъ я на знакомыхъ моего дѣтства. Дѣдушка отдалъ меня какому-то дальнему родственнику, котораго меньшей братъ Моисей, вскорѣ, по его приказанїю, отвелъ меня въ Ахтырку къ теткѣ моей Аннѣ Васильевнѣ. Домъ ея мужа былъ въ соборномъ приходѣ, прямо черезъ улицу противъ большаго двора и длиннаго одноэтажнаго деревяннаго дома графа Подгоричани. Ниже этого дома былъ обширный садъ съ канавами, и я съ своими сверстниками нерѣдко ходилъ туда рвать яблоки. Помню, что я съ толпою народа ходилъ также смотрѣть, какъ отвозили на многихъ экипажахъ умершаго престарѣлаго этого графа, и что люди указывали и говорили: „смотрите, какъ эта молодая жена его горько плачетъ“. Она отвезла его съ большою церемонїею на погребенїе въ большое его село Пархомовку, которое, какъ послѣ я узналъ, было подарено ему за службу Императрицею Елисаветою Петровною.

Мужъ моей тетки Димидъ Петровичъ, по небреженїю и нетрезвой жизни, лишился своего мѣста при соборной церкви и, имѣя одного сына и двухъ дочерей, по бѣдности своей затруднялся въ пропитанїи своего семейства. Хотя въ Ахтыркѣ, кажется, въ Покровской церкви былъ родной старшій братъ моего отца, протопопъ отецъ Иванъ Ярославскій, но, зная его гордость и суровый нравъ, дядя и тетка не смѣли просить его о принятїи меня, а предложили родственнику ихъ дьячку Николаевской церкви, котораго имени не припомню. У него не было дѣтей, и жена его была ко мнѣ весьма милостива. Я прожилъ у нихъ зиму. Помню, что выучивши какую-то виршу, на Рождество я ходилъ съ нимъ Христа славить, вывиршовалъ до 20 копѣекъ и считалъ себя богачомъ.

Передъ масляницей прїѣхалъ на ярмарку второй мужъ моей бабушки Косьма Снїсаревскій, взялъ меня и привезъ въ Красный Кутъ. Бабушка меня очень любила, отдала меня учиться дьячку Покровской церкви; и какъ онъ далеко жилъ отъ дома бабушки Николаевского прихода, то она каждый день покупала для меня вязку бубликовъ, и я, не ходивши домой обѣдать, учился до вечера. Въ ученїи я былъ тупъ, непонятенъ и мало внимателенъ; помню, что однажды онъ больно меня высѣкъ. Лѣтомъ я хаживалъ по длинной плотинѣ купаться въ рѣкѣ Мерло, гдѣ было много гадинъ, жившихъ между хворостомъ. За рѣкой былъ весьма обширный сосновый лѣсъ, принадлежавшій прежде къ большой казенной слободѣ Мурафѣ, а потомъ, какъ послѣ я узналъ, былъ подаренъ Императрицею графу Подгоричани.

Въ Красномъ Кутѣ я прожилъ лѣто и зиму. Мужъ моей тетки Анны Васильевны, продавши или обмѣнявши свой домъ въ Ахтыркѣ, переѣхалъ на жительство Богодуховскаго уѣзда въ большое село Писаревку, гдѣ были двѣ деревянные церкви, и при одной онъ заводилъ пѣвчихъ. Зная, что я имѣлъ голосъ дисканта, онъ требовалъ отъ бабушки, чтобъ прислала меня въ Писаревку; но прїѣздѣ туда я и пѣлъ въ одной церкви. Тетушка—царство ей небесное,—видя, что жительство мое въ Писаревкѣ не послужитъ къ моему счастью, совѣтовала своему мужу лучше отвезти меня въ Харьковъ, гдѣ родной мой дядя, Петръ Антоновичъ Ярославскій, былъ губернскимъ архитекторомъ: „онъ можетъ вѣрнѣе устроить его счастье“.

По утру рано въ самый Покровъ Пресвятыя Богородицы я былъ имъ привезенъ въ Харьковъ и приведенъ въ домъ Петра Антоновича за Лопанью. Разспрося обо мнѣ подробно, онъ велѣлъ оставить меня въ передней комнатѣ, а самъ поѣхалъ съ поздравленіемъ къ губернатору и въ церковь. Сидя долго одинъ въ комнатѣ, я соскучилъ; когда вошла горничная дѣвушка, то я обрадовался и просилъ ее провести меня отъ собакъ. Выйдя со двора, я старался дойти до каменнаго моста и отыскать на ярмаркѣ близъ Лопани возъ, гдѣ дядя мой остановился съ прочими людьми, прїѣхавшими изъ Писаревки. И какъ онъ того же дня располагалъ выѣхать изъ Харькова, то выругавши меня за то, что не остался, отвелъ меня въ классы, бывшее казенное училище, въ родѣ кадетскаго корпуса, и отдалъ меня родному старшему моему брату Ивану Ивановичу; братъ мой, хотя и не гдѣ было помѣстить меня, обрадовавшись, кормилъ меня приносимою имъ отъ общаго стола пищею, и я на одной кровати спалъ съ нимъ до воскресенья. А въ воскресенье онъ отвелъ меня къ дядѣ Петру Антоновичу, которому при разговорѣ объяснилъ, что объ опредѣленїи меня теперь въ классы нельзя сдѣлать представленія губернатору и что регентъ поѣхалъ по губерніи набирать пѣвчихъ, но привозъ которыхъ и я могу быть вмѣстѣ съ ними опредѣленъ. Дядя велѣлъ мнѣ остаться въ его домѣ, по тѣснотѣ котораго я жилъ въ кухнѣ. Почти каждый день ходилъ въ классы учиться нотному пѣнію; въ Рождественскій мясоѣдъ 1789 года совсѣмъ перешелъ въ классы, когда были привезены другіе пѣвчіе. Итакъ, переходя отъ многихъ моихъ родственниковъ, которые тѣготились содержать меня, наконецъ, достигши надежнаго жилища, могущаго образовать меня и открыть мнѣ вѣрную дорогу къ счастью,—я совершенно испыталъ на себѣ пословицу: „за сиротою Богъ съ калитою“. Теперь вспоминая, сколько въ дѣтствѣ я нужды и горестей претерпѣлъ, ясно вижу, что безъ всеблага Божія Промысла я не могъ-бы перенести всего и остаться живымъ.

Помню, что передъ масляной 1789 года въ ужасную мятель прїѣхалъ въ Харьковъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, проѣздомъ въ Петербургъ, остановился у губернатора Θεодора Ивановича Кишинскаго, который жилъ во дворцѣ, построенномъ еще до 1787 года, во времени путешествія Императрицы Екатерины II на обратномъ пути изъ Крыма; тамъ наши пѣвчіе и музыканты встрѣчали его хоромъ. Теперь въ этомъ дворцѣ помѣщается Университетъ. Къ этому дворцу тогда пристроена была обширная деревянная зала, въ два этажа; потолокъ ея поддерживался вокругъ

внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, а самая зала соединялась съ дворцомъ галлереею. Помню, рассказывали много, что, во время пребыванія въ Харьковѣ Императрицы, она угощала въ этой залѣ Харьковскихъ дворянъ обѣденнымъ столомъ и сама находилась на хорахъ и смотрѣла на нихъ. Вѣроятно, въ этой-же залѣ она слушала рѣчь, сказанную ей отъ лица всего дворянства бывшимъ тогда губернскимъ предводителемъ дворянства Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ, тогда награжденнымъ орденомъ Св. Владимира 3-й степени. Всѣ губернскіе чиновники получили награды, и мой дядя получилъ отъ нея въ подарокъ перстень. Даже первыя дамы подносили ей свои рукодѣля, и эта милостивая Государыня также удостоила ихъ наградъ, что все это многіе часто рассказывали. Въ 1791 году губернаторъ Кишинскій велѣлъ моему дядѣ устроить въ этой деревянной залѣ театръ, по устройеніи котораго два раза въ недѣлю бывали представленія для увеселенія Харьковской публики; а въ 1797 году эта зала при губернаторѣ Тепловѣ разобрана, и театральныя представленія вовсе въ Харьковѣ тогда уже не бывали.

Теперь обращаюсь къ разсказу о моемъ пребываніи въ казенномъ училищѣ. По утру я занимался пѣніемъ и только послѣ обѣда могъ заниматься изученіемъ наукъ. Отъ природной наклонности моей къ задумчивости и размышленію, я былъ невнимателенъ и непонятливъ къ тому, чему учили меня; а отъ этого каждая наука стоила мнѣ не малаго труда и времени, чтобъ сказанное учителемъ или самимъ прочитанное могъ твердо помнить. Понятіе во мнѣ и разсудокъ поздно открылись. Но я всегда твердо помнилъ, что въ моемъ сиротскомъ и бѣдномъ состояніи не на кого мнѣ надѣяться, и оттого былъ всегда прилеженъ къ наукамъ. Напротивъ того, братъ мой Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ природы счастливую память: бывало, прочтаетъ нѣсколько разъ въ вечеру, какъ-бы ни длиненъ былъ урокъ изъ французскаго языка или какой науки, то и по утру твердо помнилъ его; но за то, не въ осужденіе, а по правдѣ говоря, онъ былъ лѣнивъ къ наукамъ, не кончилъ полнаго ихъ курса; болѣе занимался пѣніемъ, а послѣ игрою на флейтраверсѣ, въ театрѣ, гдѣ каждый разъ платили музыкантамъ, и этимъ самымъ отвлекли его отъ наукъ. Въ 1793 году по выходѣ изъ училища, чтобъ быть учителемъ народнаго училища въ Лебединѣ, тамъ онъ вовсе оставилъ французскій языкъ и забылъ его. А я, по потерѣ голоса, въ 1794 году, могъ только начать учиться французскому языку. Помню, что учитель Дмитріевъ, у котораго я учился исторіи и географіи, сказалъ мнѣ: „учись прилежниѣ этому языку; хотя и поздно началъ учиться ему, онъ будетъ тебѣ полезенъ“. Желая отблагодарить теткѣ Аннѣ Васильевнѣ за попеченіе о моемъ сиротствѣ, я писалъ, чтобы она прислала въ Харьковъ своего сына для опредѣленія въ училище. Она сама его привезла; по просьбѣ моей директоръ Густавъ Борисовичъ Буксгевденъ его опредѣлилъ. Но этому баловню не понравились ни пища, ни строгость содержанія, и онъ вскорѣ тайно ушелъ въ Писаревку. Итакъ, я ничѣмъ не отблагодарилъ теткѣ и доселѣ остаюсь ея и ея матери Дарьи Петровны должникомъ.

Въ 1795 году по желанію директора училища и по указанію нашего учителя фортификаціи и артиллеріи Ивана Николаевича Николаева, всѣ казенные воспитанники строили подъ Холодною горою крѣпость, рыли шанцы для подступленія къ ней. И какъ мы носили мундиры, имѣли тесаки и ружья, и насъ учили военной экзерциціи, а лучшіе изъ учениковъ каждый день ходили къ губернатору на ординарцы, то мы маршировали правильно чрезъ городъ къ Холодной горѣ для взятія той крѣпости; многочисленныя толпы гражданъ слѣдовали за нами и присутствовали при взятіи крѣпости до самыхъ сумерокъ. Тамъ случилось несчастіе: изъ числа моихъ соучениковъ Степанъ Чернышовъ стоялъ съ банникомъ, а братъ его Борисъ, не сказавъ ему, чтобъ посторонился, выстрѣлилъ изъ пушки, отъ чего Степану опалило лицо порохомъ, такъ что едва чрезъ нѣсколько недѣль уничтожились на лицѣ порошины посредствомъ примазыванія сметаною. Я, стоя во все время близъ пушки, подавая снаряды, оглохъ было также на нѣс-

колько недѣль. Не помню, въ этомъ ли годѣ или прежде случилось, что опредѣленный прежде въ училище по повелѣнію губернатора, единственно изъ сожалѣнія, изъ числа взятыхъ въ Липцахъ духоборцевъ, мальчикъ, по прозванію Логвинъ, былъ отпущенъ экономомъ на вакаціонное время въ домъ его родственниковъ, въ надеждѣ, что, какъ онъ выучилъ уже катехизисъ, оставилъ ересь своихъ родителей и непременно возвратится въ училище. Но эта надежда не сбылась: Логвинъ не явился на срокъ; а гораздо послѣ, услыша, что онъ въ острогѣ, нѣкоторые ученики ходили къ нему и упрекали его въ сдѣланной глупости тогда, когда онъ самъ въ разговорахъ неоднократно издѣвался надъ своими земляками въ слѣнномъ ихъ заблужденіи. „Что-жь“, отвѣчалъ онъ, „я притворствовалъ съ вами; отецъ мой и братъ сосланы за вѣру, и я хочу жить вмѣстѣ съ ними“. Вотъ какъ сильно вкоренилось въ невѣжественныхъ умахъ черни суевѣріе и какъ трудно его истребить! И теперь въ Таврической губерніи при Молочныхъ Водахъ находятся обширныя селенія духоборцевъ, гдѣ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, а хитрѣйшіе между ними и грамотные сами отправляютъ духовныя должности и поддерживаютъ ихъ ересь: безъ личныхъ ихъ корыстныхъ выгодъ это не могло бы быть.

Лѣтомъ 1796 года пріѣхалъ въ Харьковъ вновь назначенный на эту и Воронежскую губерніи генераль-губернаторъ, генераль-поручикъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ; съ нимъ пріѣхалъ регентъ Ведель, славный композиторъ капельмейстеръ Цихе и нѣсколько пѣвчихъ, въ числѣ которыхъ былъ Петръ Турчениновъ (бывшій потомъ въ С.-Петербургѣ протоіереемъ при больницѣ бѣдныхъ на Литейной, сочинитель трехголоснаго пѣнія каноновъ). Г. ген.-губернаторъ захотѣлъ вымостить улицы Харькова, какъ нѣтъ вблизи дикаго камня, то хотя фашиникомъ. На этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, онъ велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ *). Я и прочіе старшіе ученики были посылаемы для измѣренія дворовъ. Губернскій землемеръ и директоръ классовъ Г. Б. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью, въ Дмитріевскомъ приходѣ (гдѣ и теперь, кажется, помѣщается пансіонъ), основываясь на указѣ, что безъ Высочайшей власти никто не вправе налагать налоги. Генераль-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемера, а на мѣсто его былъ опредѣленъ Харьковскій уѣздный землемеръ Николай Даниловичъ Драгомиръ; не довольствуясь тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу; отъ печали онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. На мѣсто его опредѣленъ былъ директоромъ Теодоръ Ивановичъ Кудрицкій, бывшій его коадьюкторомъ. Въ нижнемъ этажѣ дворца учреждена была чертежная, куда собирались каждый день всѣ уѣздные землемеры и губернскій архитекторъ, я и еще четыре старшихъ ученика были прикомандированы для помощи въ эту чертежную. Помню, что въ это время пріѣхалъ изъ Сумъ купецъ Бочаровъ и просилъ у дяди моего Петра Антоновича планъ на Николаевскую церковь; по назначенію дяди я сдѣлалъ на-бѣло планъ, по которому и теперь осталась въ натурѣ та-же колокольня, какая была назначена по сдѣланному мною плану. Г. Леванидовъ надѣялся надолго остаться въ своей должности; но 6 ноября того-жь 96 года скончалась Императрица Еватерина, и счастье его совсѣмъ измѣнилось; сначала былъ уничтоженъ пятидесятичный корпусъ стрѣлковъ въ Кіевской губерніи, командуемый имъ, а потомъ и его генераль-губернаторство. Ко всему своему несчастію, какъ и по большей части между людьми случается, онъ самъ былъ причиною. Императоръ Павелъ, бывши Наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову; чрезъ него получилъ

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ ст. И. А. Устинова „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія“. Харьк. Календ. на 1886 г. стр. 85. П. Е.

знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу, и генералъ-губернаторство; а еще большую онъ сдѣлалъ ошибку, что при отъѣздѣ изъ Петербурга не поѣхалъ въ Гатчино проститься съ Наслѣдникомъ престола, которому лично онъ могъ бы о всемъ объясниться и просить у него прощенія. Такъ по большей части въ свѣтѣ случается, что мы сами бываемъ причиною своего несчастія. Въ то-же время на мѣсто губернатора Кишинскаго, бывшаго подъ покровительствомъ князя Потемкина, опредѣленъ въ Харьковъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, иѣкогда путешествовавшій съ Наслѣдникомъ престола по Европѣ.

Въ 1797 году генералъ-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ прислалъ этому губернатору Высочайшее повелѣніе о составленіи атласа Слободско-Украинской губерніи съ подробными камеральными, экономическими и статистическими описаніями всѣхъ городовъ, селъ и деревень съ ихъ заведеніями *). Въ отдѣлкѣ этого атласа вмѣстѣ съ землемѣрами участвовалъ и я съ четырьмя моими старшими соучениками. 14-го декабря этого 1797 года я былъ вовсе изъ училища уволенъ и того-жъ числа причисленъ въ губернское правленіе съ произведеніемъ канцеляристомъ. По докладу князя Куракина, землемѣры пожалованы были двойными чинами, потому что слѣдующіе они заслужили, а я съ своими сотоварищами за участіе въ дѣланіи атласа произведенъ по Именному указу 1798 года, апрѣля 28-го, коллежскимъ регистраторомъ.

Лѣтомъ этого года пріѣзжалъ я въ городъ Сумы съ землемѣромъ Алексѣемъ Михайловичемъ Резановымъ, гдѣ дѣлалъ планъ для построенія зданія полиціи, но по пріѣздѣ моемъ въ 1835 году уже на мѣстѣ ея увидѣлъ каменный двухъ-этажный домъ уѣзднаго училища. Часто бывалъ у городничаго Ивана Ѳеодоровича Богдановича, который меня полюбилъ и давалъ для прочтенія мнѣ книги. По возвращеніи я былъ прикомандированъ въ канцелярію губернатора Ал. Гр. Теплова. Этотъ губернаторъ за что-то не поладилъ съ вице-губернаторомъ Григ. Ром. Шидловскимъ и, по донесеніи его о злоупотребленіяхъ казенной палаты, онъ и всѣ члены были удалены отъ должностей. При переводѣ его губернаторомъ въ Кіевскую губернію, я получилъ отъ него хорошій аттестатъ, весьма послужившій мнѣ въ пользу при опредѣленіи меня въ 1806 году въ Государственный адмиралтейскій департаментъ.

Ив. Ѳед. Богдановичъ *) приглашалъ меня письмомъ для обученія его сына Ѳеодора, воспитывавшагося у генеральши Парасковьи Михайловны Штеричевой въ Басахъ, предлагая мнѣ жалованья въ годъ по 200 рублей ассигнаціями, на что я весьма охотно согласился тѣмъ болѣе, что до того времени изъ губернскаго правленія я вовсе его не получалъ. При докладѣ о семъ Н. Д. Драгомира губернатору Петру Ѳеодоровичу Сабурову, онъ сказалъ: „зачѣмъ молодому человѣку терять службу?“ и онъ далъ предложеніе о переводѣ меня въ Сумскую градскую полицію 1799 года апрѣля 6-го. Въ этомъ случаѣ я видѣлъ ясно благодѣющій Божескій промыселъ, руководившій меня къ земному счастью и къ постепенному возвышенію моей участи. Помню, что ѣхалъ я во время половодья съ почталіономъ, которому губернской почтмейстеръ, по просьбѣ моего дяди Петра Антоновича, велѣлъ привезть меня въ Сумы, хотя въ то время было получено строжайшее Именное повелѣніе отнюдь не брать сѣдоковъ почталіонамъ, везущимъ почту, данное по случаю потери почты во Владимірской губерніи почталіономъ, который взялъ сѣдока. А у меня въ то время и на хлѣбъ не доставало де-

*) Объ этомъ атласѣ см. замѣтку въ научномъ отдѣлѣ Харьк. календаря на 1886 г. стр. 147.

П. Е.

*) Иванъ Ѳеодор. Богдановичъ, городничій г. Сумъ, былъ родной братъ извѣстнаго стихотворца Ипполита Богдановича. Самъ Иванъ Ѳеодор. написалъ и издалъ слѣд. книги: „О воспитаніи юношества“. М. 1807 г. „Слово похвальное Царю Іоанну Васильевичу IV“. М. 1809 г. и „Грамматика російская въ пользу поляковъ“. Вильно. 1809 г.

П. Е.

негъ, слѣдственно, я не могъ-бы и прїѣхать въ Сумы. По прїѣздѣ въ Ахтырку, пока почтмейстеръ разбиралъ почту, я пошелъ къ дядѣ отцу протоіерею Ивану Ант. Ярославскому, но онъ весьма сухо меня принялъ; между тѣмъ какъ сынъ его Петръ, бывши учителемъ въ Сумахъ, по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ взялъ у меня астролябію и не возвратилъ ее. Также по счастію случилось, что я, прїѣхавши въ Басы на Святой недѣлѣ, засталъ еще тамъ Александра Александровича Палицына *) съ женою его Авдотьей Александровною; онъ, узнавши, что я родной племянникъ губернскаго архитектора и что я занимаюсь архитектурою, просилъ Парасковью Михайловну непременно отпускать меня къ нему въ Поповку каждый мѣсяць, на что она и дала ему обѣщаніе. Въ первый мой прїѣздъ я засталъ его сильно страдающаго болѣю головы отъ гемороеидовъ. Слыша тяжкіе и мучительные стоны его, я прослезился. Послѣ спустя долгое время, жена его Авд. Ал. припоминала мнѣ, что слезное мое участіе въ болѣзни ея мужа заставило его съ того времени полюбить меня.

Живя въ Басахъ, въ тѣ годы прїятно было прохаживаться въ городъ Сумы: плотины съ обѣихъ сторонъ осѣнены были вербами, по лугамъ росли цвѣты: ландышъ, незабудка и другіе; рѣка Пселъ текла гораздо шире теперяшняго подлѣ города; за нею вовсе не было жилищъ и огорожъ, обратившихъ главное ея теченіе подлѣ Пришиба, ни бань надъ Сумкою. Тогда простолюдины были учтивѣе и почитательнѣе нынѣшняго: предъ старшими и сколько нибудь лучше одѣтыми снимали шапки и кланялись; а молодые люди не ходили такъ, какъ теперь за руки и идя сами по сухому пути, а другихъ принуждая идти по грязи или позади себя.

Парасковья Михайловна Штеричева была весьма набожная, основательнаго ума дама и примѣрная хозяйка. По смерти своего мужа генераль-маіора Штерича, она, уступя сынку своему слѣдующую ей седьмую часть недвижимаго имѣнія въ Екатеринославской губерніи за 40,000 рублей ассигнаціями, прїѣхала въ Басы, доставшіеся ей по раздѣлу съ братьями Донецъ-Захаржевскими. Здѣсь, по плану Палицына, построили каменный домъ существующій и теперь, но только въ заустѣніи. Въ верхнемъ этажѣ, вмѣсто назначенныхъ по плану комнатъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода она устроила домовую церковь, чтобы крестьяне ея не затруднялись ходить въ городъ для выполненія духовныхъ требъ. Также были построены два каменныхъ флигеля, оранжерея; дворъ огражденъ рѣшеткою и всѣ деревянныя службы на заднемъ дворѣ; заведены близъ дома обширный цвѣтникъ и фруктовый садъ, мѣсто котораго теперь занимаютъ дикія деревья. Во время житія моего въ Басахъ тамъ жили: наемный священникъ, почтеннѣйшій старикъ, котораго нерѣдко заставлялъ я читающаго правило или духовныя бесѣды, изданныя при Синодѣ; также регентъ, учившій домашнихъ дѣвчичъ. Пар. Мих. непременно каждый день бывала у заутрени, потомъ молилась Богу, выслушивала обѣдню, послѣ которой пила уже чай; а въ вечеру бывала у вечерни, толковала съ священникомъ о разныхъ текстахъ Евангелія и Посланій Апостольскихъ. Нерѣдко заставляла меня читать Бюфонову Натуральную Исторію и Созерцаніе Природы Боннета; вообще она любила читать основательныя книги. Послѣ вечерняго чая выходила въ садъ, выслушивала донесенія прикащика и атамана о сдѣланныхъ работахъ и давала имъ приказанія о хозяйственныхъ подѣлкахъ на слѣдующій день. Такимъ строгимъ порядкомъ имѣніе ея было благоустроено; мельницы ея

*) А. А. Палицынъ, съ которымъ авторъ воспоминаній былъ хорошо знакомъ и о которомъ много сообщаетъ, по словамъ В. Н. Каразина, „имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество сель зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ захотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебельями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украинѣ“. „Украин. Стар.“ Г. П. Данилевскаго, стр. 129.

были тогда лучшія въ окрестности; было обширное пчеловодство въ Басахъ и въ Штеповкѣ; каждый годъ она ѣздила въ послѣднюю, куда и меня съ собою брала для личнаго ея присутствія при битвѣ пчель и осмотра собраннаго хлѣба. Имѣя большія, по тогдашнему времени, деньги, она давала въ заемъ Марку Медвѣдеву и другимъ надежнымъ купцамъ; первому уступила въ городѣ фруктовый садъ, гдѣ теперь находится домъ Псарева. Я строилъ, по плану А. А. Палицына, въ саду въ видѣ бесѣдки колоколенку на каменныхъ столбахъ, которая, къ удивленію моему, и теперь еще въ цѣлости существуетъ, вѣроятно оттого, что въ столбы мною вставлены были желѣзные штыри, связанные вверху и внизу; а притомъ и кирпичъ для нихъ былъ дѣланъ по кружалу жженый, а не наливной. Также я чертилъ на бѣло планъ, по прожектору А. А., для построения въ Штеповкѣ пяти-купольной круглой церкви, въ которой каменный главный сводъ между стѣнами сведенъ на 6 саженьяхъ. Построеніе этой церкви стоитъ П. М., вѣроятно, болѣе сорока тысячъ ассигнаціями.

Я училъ въ Басахъ русской граматкѣ и писанію, священной исторіи и ариметикѣ не только сына Ивана Федоровича Богдановича, но еще Надежду Андреевну, дочь Андр. Мих. Донецъ-Захаржевскаго; также сына лѣкаря Грудницкаго, имѣвшаго домъ, аптеку и обширный садъ, гдѣ теперь живетъ уѣздный лѣкарь Бѣлицкій. Лѣтомъ 1801 года П. М. ѣздила въ Константиновку, лежащую близъ Хорошевскаго Монастыря, къ брату своему Ан. М., и я туда ѣздилъ съ нею. Мы ѣхали чрезъ с. Старое, останавливались у вдовы Кондратьевой, имѣвшей 4 сыновъ и 3 въ зрѣлыхъ лѣтахъ дочерей. Потомъ были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной, которой мужъ въ царствованіе Екатерины былъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ. Онъ построилъ въ своемъ селѣ Каплуновкѣ (гдѣ находится чудотворный образъ Матери Божіей) огромную пяти-купольную церковь, точно такой величины, какая была построена по плану придворнаго архитектора англичанина Камерона въ гор. Софіи близъ Царскаго села; въ этой-то церкви служилъ извѣстный протоіерей отецъ Андрей Самборскій. Сынъ Кановницына Петръ Петровичъ былъ генераль-маіоръ и жилъ тогда въ отставкѣ; онъ имѣлъ обширную библиотеку, въ которой я спалъ и имѣлъ честь долго съ нимъ бесѣдовать. Онъ отплатилъ визитъ П. М. Пріѣзжалъ въ Басы, и я имѣлъ случай долго бесѣдовать, какъ съ человѣкомъ высшаго образованія. Потомъ онъ опять вступилъ въ службу: въ знаменитую кампанію 1812 года при фельдмаршалѣ Кутузовѣ былъ Начальникомъ Штаба, а послѣ Военнымъ Министромъ.—При насъ въ Тростяницѣ Настасія Николаевна Надаржинская носила монашеское платье. Помню, что при служеніи большой панихиды надъ гробомъ ея мужа Алексѣя Филиппыча старшаго Надаржинскаго, гдѣ поставленъ ею былъ въ церковной оградѣ мраморный монументъ, она горько плакала; я, глядя на ея прекрасное и кроткое лицо, подумалъ: „вотъ какъ она горячо любитъ покойнаго своего мужа“, и самъ заплакалъ, вспомнивъ, что въ дѣтствѣ моемъ я видывалъ его въ церкви. Далѣе ѣхали мы мимо Каменики, владѣнія Надаржинскихъ, гдѣ на высокой горѣ построена, по плану А. А. Палицына, каменная превосходная церковь, которая видна, ѣдучи даже по дорогѣ изъ Ахтырки въ Богородуховъ; потомъ ѣхали чрезъ Янковъ Рогъ, взятый Наст. Ник. въ выдѣлъ ей седьмой части изъ имѣнія Надаржинскихъ, гдѣ построены на Ворсклѣ превосходныя механическія мельницы, поднимаемыя во время полноводья. Ночевали мы въ селѣ Старыя Рябины Варлама Ильича Гаршева, женатаго на дочери бѣловодскаго Савича (ученицѣ Любима Ивановича жившаго со мною въ Басахъ, а потомъ въ Рябинахъ и тамъ умершаго). Прожили нѣсколько дней въ Старыхъ Водолагахъ, имѣніи генерала Дунина; жена его была родная сестра жены Ан. М. Зах. (дочери Норова, бывшаго давно въ Харьковѣ губернаторомъ и владѣвшаго сельцомъ Григоровкою на Холодной горѣ близъ Харькова). Помню, что дочь Дуниной была именинница, подносили за обѣдомъ шампанское для питья за ея здоровье, а я не взялъ бокала потому, что тогда еще я вовсе не пилъ ни вина, ни водки. Г. Дунина сказала, какъ можно не пить за здоровье? Вѣрно она почла меня сушимъ не-

вѣжею. Г. Дунина достигла глубокой старости; при похоронахъ ея говорилъ надъ гробомъ слово Арх. Филаретъ, какъ видно изъ его сочиненій.—Въ Константиновкѣ мы прожили съ мѣсяць и возвратились въ Басы почти по той же дорогѣ, на которой намъ уже не случилось ничего особеннаго, кромѣ того, что были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной.

Вскорѣ по возвращеніи, мнѣ, признаться, какъ молодому человѣку ищущему большой свободы и извѣстности, наскучило жить по-монастырски, и притомъ, чувствуя, себѣ цѣну, я все стремился къ чему-то высшему, и я просилъ уволить меня. Иванъ Ѳеодоровичъ Богдановичъ согласился, потому что оставался еще учитель французскаго языка Любимъ Ивановичъ; онъ былъ большой мастеръ въ разведеніи хорошихъ дынь и арбузовъ, цвѣты которыхъ иногда толковалъ и указывалъ мнѣ мужескіе и женскіе роды.

Бдучи въ Харьковѣ, по внушенію благаго промысла, я разсудилъ захватить въ Поповку и проститься съ А. А. Палицынымъ. Онъ удержалъ меня на нѣсколько дней, пока жена, предобрая старушка, дошила записную книжку мнѣ на память. Она была большая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назарьевичъ Каразинъ для поднесенія Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ (вѣроятно въ то время, какъ онъ, Каразинъ, затѣялъ ходатайствовать о признаніи дѣвицы законною дочерью Надаржинскихъ). А. А. Палицынъ спросилъ меня, къ какой должности имѣю я надежду опредѣлиться? Я отвѣчалъ, что не имѣю никакой вѣрной надежды, а какая мнѣ встрѣтится. Онъ совѣтовалъ мнѣ искать мѣста у стараго его друга Григорія Романовича Шидловскаго *), къ которому написалъ и рекомендательное о мнѣ письмо. Шидловскій жилъ въ Мерчикѣ и рѣдко пріѣзжалъ въ Харьковѣ. По пріѣздѣ туда я вручилъ ему письмо и объявилъ, что хотѣлъ-бы заниматься въ его имѣніи по части архитектуры и землемѣрства, какъ занимался прежде бывший уѣздный землемѣръ Мих. Д., меньшей братъ губ. землемѣра Драгомира. Онъ отвѣчалъ, что ему не нуженъ такой, а нуженъ для меньшаго его сына учитель. Соглашаясь и на эту должность, я запросилъ въ годъ жалованья 400 руб. ассигнаціями, а онъ давалъ мнѣ 300. Въ другой разъ, пришедши къ нему, засталъ у него моего дядюшку Петра Антоновича съ планами; видя ласковое его со мною обходеніе, онъ согласился и на выпрошенную мною цѣну.

Итакъ, 4 декабря 1801 г., въ день великомуч. Варвары, увидѣлъ я въ Мерчикѣ Варвару Романовну Подгоричани, которую видѣлъ еще въ дѣтствѣ въ Ахтыркѣ рыдающею надъ мертвымъ мужемъ. Она всегда была ко мнѣ ласкова, любила со мною бесѣдовать и распрашивать о жизни Штеричевой и Палицына и о другихъ лицахъ и дѣлахъ. Тамъ засталъ я еще учителя французскаго языка Ивана Филиппыча Вернета, того самаго, который вызванъ былъ въ Россію нашимъ знаменитымъ героемъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ для иностранной корреспонденціи и чтеній ему исторій о славнѣйшихъ герояхъ древнихъ и новыхъ. Вернетъ имѣлъ необыкновенную память и умѣлъ ее сохранять: бывало что-либо понравится прочитанное имъ, сейчасъ пойдетъ по нѣскольку разъ рассказывать тѣми-же словами встрѣчному и поперечному. Это тотъ самъ Вернетъ, о которомъ упоминаетъ Архіепископъ Филаретъ въ описаніи Харьковской губерніи, что онъ прихаживалъ за нѣсколько верстъ въ городъ Валки, для бесѣды съ главнымъ протоіеремъ Снѣсаревымъ. Письма Вернета, писанныя къ разнымъ лицамъ, были печатаемы въ Харьковскомъ журналѣ, помнится, подъ названіемъ „Молодыкъ“. Онъ вскорѣ выѣхалъ изъ Мерчика, собравши значительную сумму денегъ, что и мнѣ совѣтовалъ, какъ необходимое средство для спокойнаго житія въ мірѣ... **) Я написалъ контрактъ съ подряд-

*) Первый губернский предводитель дворянства Слободско-Украинской губерніи.—П. Е.

**) П. Ф. Вернетъ участвовалъ въ Харьковскомъ журналѣ „Украинскій Вѣстникъ“, издававшемся въ 1816—1818 г. Биографія Вернета помѣщена въ „Современникѣ“ за 1847 г. кн. 1-я.—П. Е.

чиномъ Добрынинымъ, который брался строить каменную церковь въ Пархомовкѣ для графини В. Р. Подгоричани. Сынъ Гр. Р. Шидловскаго Федоръ почти не умѣлъ по-русски читать и писать, не зналъ не одной молитвы, и мнѣ надобно было приучать его Богу молиться, что однакожь онъ безпрекословно всегда исполнялъ; а послѣ того я училъ его Священной Исторіи, арифметикѣ и рисованію.

Вскорѣ поѣхали мы къ Хрущову въ Рясное, куда прежде былъ выписанъ изъ Москвы извѣстный сочинитель и притомъ стихотворецъ маіоръ Сергѣй Никол. Глинка. Онъ не имѣлъ никакой основательной системы обученія. Все ученіе его состояло для старшихъ двухъ сыновей Александра и Петра только въ чтеніи французскихъ книгъ, любимыхъ имъ, и въ объясненіи ихъ красотъ; а для меньшаго сына Константина въ декламированіи рѣчей Гостомысла и Марфы Посадницы Новгородцамъ, чему началъ учить и сына Шидловскаго. Наконецъ, все это ему прискучило; онъ захотѣлъ ѣхать въ Москву, какъ и прежде каждый годъ ѣзжалъ, и требовалъ денегъ; Хрущовъ отказалъ въ нихъ. Между ними произошла ссора, и онъ грозилъ донести правительству объ утѣсненіи имъ крестьянъ работами денно и ночью на винокурениномъ заводѣ. Уѣхалъ къ Палицыну, чтобы отъ него ѣхать чрезъ Сумы въ Москву. Въ этомъ смятеніи Хрущовъ уговорилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ старшими его сыновьями къ А. А. Палицыну и просить его уговорить Глинку къ возврату въ Рясное, въ чемъ мы и успѣли. Какъ Гр. Р. Шидловскій приказывалъ мнѣ увѣдомлять его обо всемъ, что случится касательно сына его, то я и увѣдомилъ его не только о способѣ ученія Глинка, но и объ этомъ происшествіи. Гр. Р. по приѣздѣ въ Славгородъ велѣлъ намъ туда пріѣхать и пригласилъ А. А. П. на назначенное число. А. А. лично подтвердилъ ему справедливость моего донесенія. Тамъ они условились, чтобы для обученія его сына въ Поповкѣ пригласить другаго сочинителя и стихотворца Евстафія Ивановича Станевича, пріѣхавшаго изъ Петербурга и жившаго тогда въ Низахъ. Послѣ того прислалъ за нами экипажъ чтобы мы ѣхали въ Пархомовку, гдѣ строилась церковь по проекту моего дяди. Признаться, что мнѣ не нравилась фигура купола и его освѣщеніе; я отважился для того составить особый планъ и назначилъ внутри церкви хоры, что одобрено было Григоріемъ Романовичемъ, а подрядчикъ находилъ выгоднымъ. Послѣ мы поѣхали въ Мерчикъ, гдѣ получилъ письмо отъ И. Ѳ. Богдановича (городничаго въ Сумахъ), что онъ представилъ меня въ Губернское Правленіе къ награжденію слѣдующимъ чиномъ. По личной просьбѣ моей, Н. Д. Драгомиръ, занимавшійся не только при прежнихъ губернаторахъ, но и при тогдашнемъ, важнѣйшими по губерніи дѣлами, настоялъ о представленіи въ герольдію и меня вмѣстѣ съ прочими. 31 декабря того-же 1802 года я былъ произведенъ губернскимъ секретаремъ. Ив. Ѳ., вызвавъ меня въ Сумы для объявленія этого чина, сказалъ: „подавай въ отставку, ибо я уже увольняюсь отъ городнической должности“. Вотъ какъ въ тѣ годы добрые люди мнѣ благодѣтельствовали, и во всемъ ихъ благодѣяніи я вижу Божескій о мнѣ промыслъ.

Лѣтомъ 1802 года графиня В. Р. Подгоричани поѣхала съ нами въ Поповку къ А. А. Палицыну, захвативъ прежде къ Н. М. Шт. въ Басы. Помню, что В. Р. по утру хотѣлось пить кофе въ пасѣкѣ и видѣть лѣсъ, по которому проведены были дорожки въ видѣ англійскаго сада. Утро было туманное и весьма росистое. Напившись кофе, стали прохаживаться. У А. Ал., подверженному геморроидальнымъ припадкамъ, сдѣлалось такое сильное круженіе головы и обморокъ, что онъ едва не упалъ, еслибъ я не поддержалъ его; Авд. Ал. побѣжала и принесла воды; выпивши нѣсколько глотковъ, онъ очнулся и открылъ глаза. Ев. Ив. Станевичъ, узнавъ, что я учился французскому языку, совѣтовалъ мнѣ заниматься имъ; выписалъ для меня Томаса сочиненія, изъ которыхъ я перевелъ во время житья въ Поповкѣ рѣчь французскому дофинну, герцогу Бурбонскому, а потомъ рѣчь Ж. Ж. Руссо: „какая добродѣтель нужнѣе героямъ и какимъ героямъ недоставало этой добродѣтели“. Е. Ив. каждый разъ поправлялъ мои переводы и указывалъ мои ошибки;

а слова французскія, которыхъ я не зналъ, бывало, ходя по лѣсу, я стараюсь затвердить, что немалого труда мнѣ стоило, какъ тогда уже мнѣ было около 25 лѣтъ. Также я чертилъ на-бѣло проекты А. А. для разныхъ построекъ помѣщикамъ, которые о томъ просили его, и переписывалъ на-бѣло переведенный имъ романъ „Новой Элоизы“ первый томъ, для отсылки книгопродавцу Сопикову, печатавшему этотъ романъ. Ев. Ив. во время житія въ Поповкѣ успѣлъ перевести двѣ поэмы стихами: „Сельскій житель“ Делиля и „Ландшафты или опытъ о сельской природѣ“ Незай-Марнозія. Последній онъ посвятилъ Г. Р. Ш., хорошо наградившему его при отъѣздѣ въ Петербургъ. А. А. Палицынъ въ это время переводилъ двѣ поэмы также стихами: „О садахъ“ Делиля и „Времена года“ Сень-Дамберта.

Осенью этого 1802 года пріѣзжалъ въ Харьковъ министръ просвѣщенія графъ П. В. Заводовскій для обозрѣнія основаннаго тамъ университета. Оттуда онъ ѣхалъ въ свои имѣнія Черниговской губерніи. Его сопровождалъ Г. Р. Ш., видно, давно знакомый ему; дорогой онъ сказалъ, что въ Поповкѣ живетъ старый его сослуживецъ, бывшій при фельдмаршалѣ Румянцевѣ адъютантомъ А. А. Палицынъ; онъ посѣтивъ его въ пустынномъ жилищѣ, обходился съ нимъ совершенно по дружески. Я также удостоился видѣть сего маститаго вельможу времянь Великой Екатерины. Видны были еще на лицѣ его румянецъ и пріятность взоровъ, кротость и ласковость въ общеніи.

Я каждый годъ ѣзжалъ съ сыномъ Г. Р. къ празднику Свѣтлаго Воскресенія въ Мерчикъ, гдѣ и говѣлъ на Страстной недѣлѣ, постничая, не такъ какъ въ Поповкѣ во весь великій и другіе посты мы ѣли скоромную пищу. Е. И. Станевичъ неоднократно мнѣ признавался, что онъ хотѣлъ-бы оставить скучную для него должность учителя и ѣхать въ Петербургъ, куда зовутъ его пріятель. Зимой пріѣхалъ въ Поповку Г. Р. проѣздомъ въ Вязьму, гдѣ жила его единственная дочь въ замужествѣ за помковникомъ Ѡ. К. барономъ Корфомъ предобримъ человѣкомъ, съ которымъ она часто ссоряся, не умѣла цѣнить благородства его чувствъ. Е. И. Станевичъ ѣздилъ тогда въ Нѣжинъ къ своей матери. Мнѣ непріятно было, что Г. Р. вовсе не занялся разспросомъ о свѣдѣніяхъ въ наукахъ и хорошо-ли учится его сынъ, а только спросилъ у него, цѣлы-ли золотые часы и цѣпочка, для чего онъ не носитъ ихъ и достаточно-ли у него платья? Г. Р. поѣхалъ къ П. М. Шт. въ Басы, оттуда прислалъ человѣка къ А. А. за какими-то свѣдѣніями. Я рѣшился написать ему откровенное письмо (можетъ быть, это и глуно я сдѣлалъ), что Ев. И. намѣренъ ѣхать въ Петербургъ, что А. А. только въ отсутствіе Ев. И., по просьбѣ моей, поправляетъ переводы его сына, а не учитъ его ничему, какъ Г. Р. предполагалъ, говоря: что если хочетъ этотъ юноша что-либо знать, то пусть внимательно слушаетъ наши ученые разговоры и старается ихъ помнить; и что я самъ, видѣвъ, что лѣта мои уходятъ, также хотѣлъ-бы служить въ коронной службѣ. Г. Р. съ неудовольствіемъ увѣдомилъ А. А. о содержаніи моего письма, за которое строго онъ и выговорилъ мнѣ, что я, не сказавши ему и не показавъ моего письма, отважился послать его. Я оправдывался только тѣмъ, что самъ Г. Р. приказывалъ мнѣ откровенно ему обо всемъ писать, что будетъ касаться къ его сыну. Такое весьма непріятное для меня происшествіе кончилось тѣмъ, что по возвращеніи изъ Вязьмы Г. Р. въ февралѣ мѣсяцѣ 1804 года прислалъ за нами экипажи. Въ это время, къ удивленію моему, я увидѣлъ совсѣмъ противное выраженіе чувствъ: Е. И., цѣлуя меня, радовался, что теперь безъ препятствія можетъ онъ ѣхать въ Петербургъ. А. А. доволенъ былъ счастливою развязкою почти двухлѣтняго у него нашего житія, тѣмъ болѣе, что Г. Р. вовсе не объявилъ ему, что онъ будетъ платить ему за наше содержаніе. Даже Ав. А. Пал. обрадовалась, что она не будетъ больше беспокоиться въ нелегкомъ, но дальнемъ житіи отъ города, пріисканіи для стола съѣстныхъ припасовъ. Я объявилъ Ал. Ал., что намѣренъ поѣхать въ Полтаву и тамъ искать землемѣрскаго мѣста.—Живя въ Мерчикѣ, случилось, что Н. Н. Надаржинская пріѣхала туда въ то время, когда Г. Р. цѣ-

льй день не было, я одинъ только въ домѣ могъ сидѣть съ нею и разговаривать. При разговорѣ она безпрестанно меня спрашивала о нравѣ; поведеніи сына Гр. Р. и охотно-ли онъ учится? Я, по всегдашней моей откровенности и безхитростной простотѣ, все рассказалъ ей по правдѣ. Бывало, я обращу разговоръ о ея дѣлахъ и положеніи, а она, не отвѣчая на мои слова, все о томъ-же меня спрашиваетъ, или какъ живетъ А. А. Палицынъ и занимался-ли онъ ученіемъ сына Гр. Р. На другой день, увидя нѣкоторую холодность ко мнѣ Гр. Р., самъ себя сказалъ: вотъ какъ хитрыя женщины все вывѣдываютъ, а откровенные люди себя губятъ!—Гр. Р. былъ статный и красивый мужчина, средняго роста, подходящій болѣе къ высокому, ума тонкаго, изобрѣтательнаго, опытнаго, находчиваго во всѣхъ случившихся препятствіяхъ и неприяностяхъ; ласковый, обходительный, онъ умѣлъ всякаго привязать къ себѣ. Удивительно, что, бывши самъ богатъ, изъ числа первѣйшихъ помѣщиковъ въ губерніи, онъ женился на Мамоновой, за которую хотя взялъ приданаго 800 душъ, имѣніе близъ Терновъ Сумскаго уѣзда, но она была простая, вовсе необразованная, невзрачная, необходимая, подслѣповатая, капризная, ворчливая, вовсе не занималась гостями, всегда одна или съ прислугою сидѣла въ своей спальнѣ. Но и дѣти ея во многомъ сходствовали съ ея душевными и тѣлесными недостатками. Старшій сынъ былъ посланъ въ Ригу на воспитаніе къ какому-то профессору. Возвратясь оттуда, казалось, что имѣлъ дарованіе и острую память: онъ могъ въ мысляхъ своихъ помножить нѣсколько чиселъ на три множителя и скажетъ, бывало, ихъ произведеніе; тоже самое и въ дѣленіи могъ сказать, какое изъ нихъ вышло частное число. Онъ учился играть на фортепіано; но когда, бывало, попросимъ его что-либо сыграть, то онъ проиграетъ только тѣ пьесы, которыя выучилъ въ пансіонѣ, а новыхъ никогда и не разыгрывалъ. Видно, не имѣлъ склонности къ музыкѣ, да и ни къ какой наукѣ, ни къ чтенію книгъ и ни къ какому занятію. Любилъ сидѣть одинъ, какъ нелюдимъ, и подверженъ былъ падучей болѣзни. Не порадовалъ ничѣмъ отца своего, не вступилъ ни въ какую службу и умеръ, едва достигши совершенныхъ лѣтъ. Дочь Катерина,—красивая и похожая на отца, но гордая, своенравная; никто бывало не угодить ей, всегда недовольная и бранчивая съ прислугой. Въ жизни она много причинила горя отцу, и даже при смерти.

Г. Р. былъ въ свое время самый блистательный помѣщикъ губерніи. Служа нѣсколько курсовъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ вице-губернаторомъ въ царствованіе Имп. Екатерины, онъ привыкъ дѣлать великолѣпные и пышные обѣды, балы и вечеринки. Столовый сервизъ для нихъ былъ подаваемъ все серебрянный: суновья великолѣпныя чаши, соусники, блюда, ножи и вилки; хрустальные доски, обыкновенно на столахъ употребляемыя для постановленія фарфоровыхъ стопокъ, иногда были усыпаны разноцвѣтными песками въ видѣ прелестныхъ ландшафтовъ. Когда онъ былъ вице-губернаторомъ при губернаторѣ Кишинскомъ, бывало, къ послѣдному иной день соберется много губернскихъ чиновниковъ и дворянъ, то онъ, подойдя къ Г. Р., скажетъ ему на ухо: „гостей довольно, а кормить ихъ нечѣмъ: у меня обѣдъ готовленъ по домашнему только для своего семейства“. Г. Р. или пригласитъ всѣхъ гостей къ себѣ, когда еще время не сблизилось къ обѣду, гдѣ могутъ гости заняться играми въ карты, пока приготовить кушанье; когда-же настаетъ время обѣда, то велитъ принести кушанье изъ своей кухни, какъ онъ жилъ въ казенномъ домѣ чрезъ улицу, гдѣ теперь находится университетская обсерваторія и прочія его помѣщенія. Въ Стар.-Мерчикѣ онъ выстроилъ каменный огромный двухъ-этажный домъ на высокомъ цоколѣ, гдѣ помѣщались печи, и отъ нихъ нагрѣвались стѣны залы и гостиной въ два свѣта съ хорами для музыкантовъ. Напротивъ былъ каменный двухъ-этажный флигель для помѣщенія кухни и прислуги. Еще два каменныхъ флигеля, одинъ для пріѣзда гостей, а другой для дворецкаго; на заднемъ дворѣ каменные конюшни и сарай. Въ саду каменный манежъ, бесѣдка, резервуаръ и ротонда въ видѣ

круглаго храма въ два этажа со сводами; на верху, бывало, играетъ музыка, а внизу въ прохладѣ отдыхаютъ посѣтителѣ. Всѣ домашнія и садовыя постройки обнесены каменною оградой. Свѣрхъ того и на селѣ построены были два каменныхъ двухъ-этажныхъ дома, одинъ для житья священнику, а другой арендатору. Всѣ эти зданія строены были по планамъ А. А. Палицына. Имѣніе Г. Р. было благоустроено; крестьянскіе дома всѣ были чисты и обгорожены. Изъ его науки и опытности вышли два замѣчательныхъ человѣка: Хлустинъ и Виталій Сурдина. Первый былъ сначала у брата его Михайла Романовича деньщикомъ, потомъ у него надсмотрщикомъ при постройкахъ въ пріемъ матеріала. Видя его удивительную расчетливость, отдалъ ему свои имѣнія на аренду. Условія этой аренды были весьма благодѣтельны для его крестьянъ: арендаторъ вовсе не имѣлъ права касаться къ собственнымъ ихъ землямъ и заставлялъ ихъ работать вмѣсто трехъ дней въ недѣлю, положеннымъ закономъ, только два дня. Онъ долженъ былъ пользоваться собственно принадлежащими помѣщику землями, полями, сѣнокосами, лѣсами, доставляя изъ нихъ условленное количество для дома хлѣба, сѣна и дровъ и платя положенную сумму денегъ. Не было случая, чтобы крестьяне жаловались на арендатора; онъ самъ сдѣлался такъ богатъ, что купилъ себѣ болѣе ста душъ, купивши прежде въ Военной Коллегіи патентъ на чинъ поручика. Другой, Виталій Сурдина, былъ скрипачъ и игралъ тихо, какъ будто подъ сурдиной. Какъ Г. Р. по должностямъ своимъ нерѣдко ѣзжалъ въ Петербургъ, то онъ бралъ съ собою и его. Въ послѣдній разъ онъ воспользовался этою поѣздкою: заплатилъ въ Военной Коллегіи, съ кѣмъ уговорился, 500 рублей. По возвращеніи въ Харьковъ, полученъ былъ на почтѣ патентъ съ надписью на конвертѣ: „капитану Виталію Сурдинѣ“. Искали по цѣлому городу другаго Сурдину и не могли найти. По распросамъ почтмейстеръ узналъ, что есть у Г. Р. музыкантъ, его крестьянинъ этой фамиліи, онъ приноситъ патентъ къ Г. Р. и отдаетъ ему. На мѣстѣ Г. Р. другой человѣкъ могъ-бы разорвать этотъ патентъ, тѣмъ-бы и дѣло кончилось, и данныя въ Военную Коллегію деньги пропали-бы. Но Г. Р. былъ такъ добръ, что не сдѣлалъ этого. Однажды онъ сказалъ: „Виталій! пойдѣмъ въ конюшню, посмотримъ лошадей“. Виталій, видно, зналъ, для чего баринъ зоветъ его въ конюшню, отвѣчалъ ему: „я не знатокъ въ лошадяхъ“. По приходѣ въ конюшню, велѣлъ раздѣть его и высѣчь розгами, но за то, что, намѣреваясь купить себѣ чинъ, прежде не просилъ у него на то позволенія. Потомъ вручилъ ему патентъ на капитанскій чинъ. Впослѣдствіи времени сдѣлалъ его арендаторомъ имѣнія сестры своей В. Р. графини Подгоричани, отчего Сурдина обогатился и купилъ себѣ деревню. Вотъ каковы въ прежнія времена, по милости Военной Коллегіи, были военные чины.

Поживя нѣкоторое время въ Мерчикѣ, Гр. Р. отдалъ своего сына въ Харьковъ въ пансіонъ. Посылая къ А. А. Палицыну деньги, онъ позвалъ меня и сказалъ: „вотъ я посылаю ему тысячу рублей, можетъ, это и много?“ Я осмѣлился отвѣчать ему: „Вамъ извѣстно, что онъ не богатый человѣкъ, а для васъ эти деньги мало стоятъ“. Обо мнѣ писалъ Г. Р. рекомендательное письмо Малороссійскому генералъ-губернатору князю Алексѣю Борисовичу Куракину и губернскому предводителю дворянства Василю Кочубею. Ал. Ал. также писалъ обо мнѣ къ извѣстному сочинителю Василю Васильевичу Капнисту, котораго я не засталъ въ Полтавѣ, и къ бывшему своему ученику Антону Ивановичу Кардашевскому, полагая, что онъ тамъ служитъ губернскимъ архитекторомъ; но онъ тогда служилъ въ Черниговѣ. Генералъ-губернаторъ весьма ласково меня принялъ, что показывало мнѣ хорошее его расположеніе къ Гр. Р.; тоже и губернской предводитель. Князь спросилъ меня, къ какой должности хочу я служить? Я отвѣчалъ, что въ архитектурной или землемѣрской. Онъ сказалъ мнѣ, что архитекторъ есть (дѣйствительно, архитекторъ былъ Абросимовъ, у котораго жена англичанка хорошо рисовала и обдѣлывала планы); а въ отношеніи землемѣрской должности велѣлъ губернскому землемѣру проѣзжаменоватъ меня. Я однакожъ въ воскресные дни хаживалъ къ генералъ-губернатору, у котораго всегда заста-

валъ много чиновниковъ и просителей. Помню, что однажды онъ рассказывалъ „здѣшніе помѣщики тяготеютъ обсадкою деревьями почтовыхъ дорогъ на своихъ участкахъ земли. А я помню слова фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, который говорилъ, что во время турецкой войны въ обширныхъ степяхъ, какъ увидишь, бывало, дерево и можешь отдохнуть подъ тѣнью его, то обрадуешься такъ, будто-бы увидѣлъ лучшаго своего друга“. Дѣлая въ чертежной данные мнѣ землемѣрскіе планы, я слышалъ жалобы уѣздныхъ землемѣровъ на тягостную ихъ службу: что безпрестанно занимаютъ проводкою почтовыхъ дорогъ и обсадкою ихъ деревьями, не имѣя ни спокойнаго ночлега, ни достаточной пищи, и что на послѣдокъ придется имъ подать въ отставку. Я подумалъ, что здѣшнее служеніе въ землемѣрской не кладъ для меня. Губ. землем., проэкзаменовавъ меня и въ знаніи межеванія по астролябii и о томъ донесъ князю. Когда явился къ нему, то онъ сказалъ мнѣ: „что въ Полтавской губерніи нѣтъ теперь землемѣрской вакансіи, а есть въ Нѣжинѣ, Черниговской губерніи, если хотите служить тамъ, то я напишу тамошнему губернатору; онъ объ опредѣленіи васъ землемѣромъ представитъ отъ себя Сенату“. Я отвѣчалъ ему, что мнѣ лестно было-бы служить въ виду Вашего Сіятельства. А теперь позвольте мнѣ возвратиться въ Харьковъ. Онъ спросилъ меня: „если откроется въ Полтавской губерніи вакансія, то гдѣ Васъ отыскать?“. Я отвѣчалъ, что если Гр. Ром. Шидловскій получатъ о томъ извѣстіе, то я тотчасъ приѣду въ Полтаву. Я полагалъ, что этимъ усердная князя забота о моемъ опредѣленіи землемѣромъ и кончится.

Какъ Г. Р. помѣтилъ уже своего сына въ пансіонъ, то, полагая, что я ему вовсе не нуженъ, при возвратномъ пути я не заѣхалъ къ нему въ Мерчикъ, что, можетъ статься, и худо я сдѣлалъ: слѣдовало-бы дать ему отчетъ, какъ были приняты его письма. Но какое-то тайное внушеніе отъ того меня отклонило, и я поѣхалъ прямо въ Харьковъ. Губ. предводитель В. М. Донецъ-Захаржевскій при свиданіи со мною обрадовался и пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ село его Изюмскаго уѣзда Бугаевку, гдѣ строился каменный двухъ-этажный домъ по моему плану и куда я прежде съ нимъ ѣздилъ. Тамъ склонилъ меня онъ и братъ его Петръ М. остаться у послѣдняго жить, на что я и согласился такъ неосторожно, что не договариваясь вовсе съ ними, на какомъ основаніи и буду жить у нихъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, къ немалому удивленію моему, получаю письмо отъ Гр. Р. съ приложеніемъ копій съ письма къ нему кн. Куракина отъ 12 іюля 1804 года слѣдующаго содержанія: „Для покровительствуемаго вами г-на губернскаго секретаря Ярославскаго, о которомъ изволили вы ко мнѣ писать, открывается къ помѣщенію въ землемѣры вакансія, а потому покорно васъ, Милостивый государь, прошу приказать дать ему знать, чтобы онъ сюда явился къ опредѣленію. Въ семъ случаѣ безпокою я васъ по той причинѣ, что неизвѣстно здѣсь жителство г-на Ярославскаго“. Я былъ въ нерѣшимости, ѣхать-ли мнѣ въ Полтаву или нѣтъ. Петръ Мих. сталъ уговаривать меня, чтобы я остался, а занялся воспитаніемъ его сына (онъ имѣлъ его отъ любовницы молдованки, бывшей нѣкогда красавицею). При чемъ говорилъ мнѣ лестныя обѣщанія: что у него 500 душъ и 6,000 дес. земли, а наслѣдниковъ нѣтъ; со временемъ онъ можетъ меня наградить. (По смерти его все имѣніе досталось сыну брата его Анд. М.). Петръ М. самъ поѣхалъ со мною въ Успенскую ярмарку. В. М. также, уговаривая меня, изъяснялъ подобныя лестныя обѣщанія, то есть, какъ говоритъ пословица: сулили журавля въ небѣ, а не дали и синицы въ руки. Я рѣшился не ѣхать въ Полтаву по причинѣ трудности тамошняго служенія и какъ тамъ земли формально не размежеваны, то для землемѣровъ не можетъ быть занятій частными межеваніями, слѣдственно, и никакихъ доходовъ; и потому, особливо, что весьма мало было у меня денегъ и что должно пройти около полугода, пока я буду опредѣленъ Сенатомъ и могу получить жалованье по землемѣрской должности. Итакъ, я отказался отъ нея, что было Гр. Р. весьма неприятно.

Возвратясь въ Бугаевку, я жилъ почти безъ всякаго занятія; кромѣ того, что иногда ходилъ смотрѣть за постройкою домовъ В. М., днемъ игралъ съ хозяиномъ на билліардѣ, а вечеромъ непременно съ ними въ дураки. Отъ всегдашней праздности самъ почувствовалъ расположеніе къ ней, чрезъ что со временемъ сдѣлался бы лѣнтяемъ и неспособнымъ къ дѣлу. Но счастію, случились со мною непріятности, которыхъ я не могъ перенести. Музыкантъ хозяина ѣхалъ въ Харьковъ на Покровскую ярмарку, и я съ нимъ поѣхалъ. При свиданіи съ В. М. въ Харьковѣ, я не сказалъ ему, что совсѣмъ оставилъ Бугаевку, но только сказалъ, что ѣду въ Поповку къ Палицыну; что послѣ того было ему крайне непріятно, какъ онъ выразилъ въ письмѣ своемъ, писанномъ мнѣ отъ 3-го ноября. Нанявши извозчика, я разсудилъ заѣхать въ Мерчикъ къ Гр. Р.; но у него гостили тогда дамы, и я въ дорожномъ платьѣ не смѣлъ къ нему явиться, и безпокоить его разсказомъ о своихъ обстоятельствахъ; переночевавъ у дворецкаго, по настоянію извозчика, скорѣе выѣхалъ.

Ал. Ал. весьма обрадовался моему пріѣзду, особенно, я думаю, потому, что въ это время у него не было помощника для черченія на бѣло его прожектвъ на строенія разнымъ знакомымъ ему помѣщикамъ, какъ прежде бывало, что живали у него по два и по три, которые обязаны ему были своимъ образованіемъ. Мы по обыкновенію гуляли по лѣсу; подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, приученными имъ для корму къ окнамъ. Бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная, грудь крѣпкая, голосъ громкій, краснорѣчіе необыкновенное; большое искусство разнообразить предметы разговоровъ, чтобы не утомить слушателя. Было, если пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокурениемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ съ ними вести ученыхъ бесѣдъ, а только объ ихъ занятіяхъ. Жаль только, что онъ былъ холоденъ къ обрядамъ христіанской религіи; но впрочемъ я никогда отъ него не слыхалъ, чтобы онъ невыгодно отзывался о ней или издѣвался надъ ея приверженцами. Въ это время я сдѣлалъ по его прожекту чертежи для увеличенія каменной церкви и сдѣланія въ ней новаго иконостаса въ селѣ Мерчикѣ. А. А., посылая Гр. Р. планы, объяснилъ въ письмѣ, что я ихъ дѣлалъ, и онъ мнѣ прислалъ 150 рублей, вѣроятно, вспомнивъ, что онъ мнѣ при отъѣздѣ въ Полтаву далъ только 50 р., тогда какъ Ев. И. Станевичу 1000 рублей; въ признательность за такую награду Станевичъ посвятилъ переведенную имъ въ Поповкѣ стихами поэмѣ „О садахъ“, какъ выше сказано. Послѣ смерти въ 1802 году знаменитаго нашего стихотворца Ипполита Фед. Богдановича, творца „Душеньки“, Станевичъ писалъ къ А. А., что его благодѣтель вице-адмиралъ Шишковъ желалъ-бы нанечатать его (т. е. Богдановича) стихотворенія, если остались такіа, которыя не были прежде напечатаны. По сему случаю я былъ нѣсколько разъ у брата покойнаго, Ив. Ф. Богдановича (бывшаго городничимъ въ Сумахъ), разбиралъ всѣ его бумаги, нѣкоторыя мелкія его стихотворенія, списанныя мною, но всѣ они оказались напечатанными въ изданныхъ журналахъ.

Безпокоясь всепрестанно, чтобы имѣть постоянное и надежное мѣсто, я просилъ А. А. рекомендовать меня къ богатому помѣщику тайному совѣтнику Михаилу Ивановичу Комбурлею для занятій по части архитектуры и земледѣрства. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо и лошадей. М. И. Комбурлей уважалъ А. А., по планамъ котораго построены въ селѣ Хотѣни: большая каменная оранжерея, конюшня и цѣлая улица деревянныхъ сельскихъ домовъ для музыкантовъ, пѣвчихъ и домашней прислуги. По пріѣздѣ въ Хотѣнь, Комбурлей ласково меня принялъ, только нѣсколько времени не соглашался дать мнѣ жалованья 500 р. асс. Наконецъ согласился и сказалъ мнѣ, что онъ по первой санной дорогѣ поѣдетъ въ Москву и меня съ собою возьметъ, а потому чтобы я поспѣшилъ взять свои вещи и пріѣхать въ Хотѣнь къ тому времени. Послѣ Николаева дня я поѣхалъ съ его чело-

вѣкомъ впередъ для заготовленія ему до Москвы лошадей. Въ Курскѣ мы остановились въ домѣ надв. сов. Страмилихи, бабушки его жены Анны Андреевны. Тамъ взялъ я у губернатора ему подорожную. Написалъ отъ имени его письма къ Орловскому вице-губернатору и Тульскому губернатору, которыхъ просилъ онъ заготовить для него 15 лошадей; съ этими письмами поѣхалъ я впередъ. Вице-губернаторъ, видно, прежде служившій съ нимъ, обѣщалъ исполнить его желаніе, но Тульскій губернаторъ Ивановъ сказалъ мнѣ, что проѣздъ въ Москву и обратно каждый день бываетъ великъ, почтовыхъ лошадей на станціяхъ мало, и всѣ проѣзжающіе нанимаютъ вольныхъ извозчиковъ, и вы можете тоже сдѣлать. Я попытался на постоянныхъ дворахъ нанимать ихъ, они запросили, по ихъ обыкновенію, почти двойную цѣну противъ почтовыхъ; я не осмѣлился дать. Какъ день и ночь ѣхалъ въ большіе морозы и метель, озябъ, то, пообѣдавши на постояломъ дворѣ, заснулъ крѣпко и спалъ такъ долго, что М. И. самъ нанялъ въ Туль вольныхъ лошадей и выѣхалъ уже, и человекъ, разбудивши меня, сказалъ, что и для насъ лошади запряжены. Помню, что въ Серпуховкѣ М. И. остановился ночевать, строго выговаривалъ мнѣ, что не заготовилъ ему лошадей, и не принялъ моего оправданія. Оскорбляясь тѣмъ, я сказалъ ему (можетъ быть, неосторожно), что если я не угоденъ ему, то прошу уволить меня. Но добрая Анна Андр. сказала ему: „полно, полно, душенька!“ И тамъ-то въ первый разъ въ жизни моей я ѣлъ стерляжью уху, сваренную съ примѣсью вина.

Въ Москвѣ М. И. остановился на Пречистенкѣ въ собственномъ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ прежде тещѣ его генеральшѣ Елисаветѣ Петровнѣ Рохмановой. Я бѣгалъ по разнымъ улицамъ, съ большимъ любопытствомъ останавливался противъ великолѣпныхъ домовъ и церквей, разсматривалъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Въ воскресенье и праздничные дни хотѣлъ быть въ нѣкоторыхъ церквахъ у обѣдни, но приходя къ нимъ, вездѣ видѣлъ церкви запертыя, потому что въ нихъ служились раннія обѣдни, и только въ Успенскомъ соборѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ монастыряхъ звонили къ поздней обѣднѣ въ 10 часу. Я нѣсколько разъ слушалъ ее въ этомъ соборѣ, прикладывался къ чудотворному образу Владимірской Богоматери и къ мощамъ митрополитовъ Петра, Іоны и Филиппа, а въ теплой церкви—митрополита Алексѣя. Узнавши, что въ Голицынской больницѣ за рѣкою Москвою поютъ въ церкви превосходные пѣвчіе (подъ дирекцію, кажется, извѣстнаго Аникіева или Дегтярева), я часто туда хаживалъ, хотя и далеко. Хоры для нихъ тамъ сдѣланы подъ самымъ куполомъ, и на нихъ пѣвчихъ не видно, только слышно пѣніе, пріятно раздающееся внизу по церкви. Прекрасный бюстъ бѣлаго мрамора на высокомъ пьедесталѣ стоитъ въ ней покойнаго кн. Голицына, бывшаго посланникомъ въ Вѣнѣ, который пожертвовалъ большой капиталъ для устройства и содержания этой больницы. Родной братъ его, дряхлый старичекъ, всегда бывалъ у обѣдни. Больница построена въ два этажа на высокомъ цоколѣ; въ срединѣ ея находится церковь, расположенная такъ, что тяжело больные могутъ слушать Богослуженіе изъ корридоровъ чрезъ растворенныя окна. Съ другой стороны во всю длину расположенъ до самой рѣки Москвы обширный садъ съ огородомъ.—Въ первое воскресенье великаго поста, по данному мнѣ М. И. билету, я былъ на концертѣ въ обширной круглой залѣ, гдѣ всѣ московскіе лучшіе музыканты, въ томъ числѣ и нашъ Блюмъ, играли превосходную ораторію Гайдена „Сотвореніе міра“. Былъ я и въ Большомъ театрѣ, гдѣ играли любимую тогда публикою оперу „Русалку“; актриса Сандунова, представлявшая ея роль, славившаяся при Имп. Екатеринѣ на придворномъ театрѣ своимъ пѣніемъ, и подъ сорокъ лѣтъ имѣла еще голосъ пріятный, звонкій и игривый.—Я обозрѣвалъ Университетъ, но въ церкви его и на лекціяхъ не удалось быть. Любовался строгимъ соблюденіемъ правилъ орденовъ архитектуры зданія Сената, постройки славнаго архитектора Баженова, также дворцами Головинскимъ и Слободскимъ. О послѣднемъ рассказываютъ, что онъ принадлежалъ графу Безбородко; Им-

ператоръ Павелъ, бывши въ немъ, увидѣвъ, что садъ расположенъ на обширной равнинѣ, гдѣ росли большія деревья, сказалъ: „какой прекрасный былъ бы плацъ для ученія войскъ“. Въ ту же ночь деревья были срублены. Вотъ какъ тонкіе придворные умѣютъ льстить прихотямъ Государей. Домъ Пашкова архитектуры Казакова, ученика Баженова (теперь въ немъ помѣщается Публичная Библіотека), расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, которое придаетъ ему немалую красоту; а садъ, расположенный по скату, сказываютъ, въ прежнее время былъ звѣринымъ.

М. И. пригласилъ къ себѣ на масляницѣ главно-командующаго Беклешова, знаменитую княгиню К. Р. Дашкову и многихъ сенаторовъ на блины, а потомъ на катанье. При этомъ парадныхъ экипажей было довольно; на одномъ и я помѣщался съ виртуозомъ Блюмомъ и докторомъ Ив. Ег., жившими въ домѣ М. И. Помню, что когда за рѣкой Москвою экипажи поровнялись противъ стараго деревяннаго дома извѣстнаго графа Орлова-Чесменскаго, то онъ выѣхалъ изъ двора на сѣромъ въ яблокахъ рысакѣ, самъ правилъ имъ и кланялся катающимся. Тогда уже таялъ снѣгъ по улицамъ.

На второй недѣлѣ повѣялъ холодный сѣверный вѣтеръ съ метелью, и мы возвратились въ Украину по санной дорогѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Петербурга Николай Федоровичъ Алферовъ, лучший изъ учениковъ А. А. Палицына, которому по смерти своей онъ и оставилъ въ наслѣдство свою деревню Поповку. Отсюда пріѣхалъ онъ въ Хотѣнь, гдѣ занялся черченіемъ плана для построения каменной церкви въ селѣ Большомъ Бобрикѣ генеральши Елисаветы Петровны Рохмановой. Въ составленіи этого плана онъ уже не слѣдовалъ вкусу архитектуры А. А., но городскому. Однакомъ въ пятидесятихъ годахъ, бывши въ Бобрикѣ, я видѣлъ въ натурѣ построенную церковь совсѣмъ по иному плану, говорятъ, какого-то итальянца. Н. Ф. Алферовъ предполагалъ ѣхать за границу; ему необходимо нужны были деньги, а ихъ у него было весьма мало, и отецъ его не въ состояніи былъ пособить ему. При малыхъ деньгахъ, какія могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготавлилась война съ Россіею, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился чрезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 году. Онъ правду мнѣ сказалъ, что производимыя въ Хотѣни постройки подъ моимъ надзоромъ не сдѣлаютъ мнѣ чести; собственные крестьяне каменщики, плотники и штукатуры, нигдѣ не учившіеся, что могутъ сдѣлать отличнаго? Да и постройки были только каменная теплица и деревянный флигель для житья въ одной половинѣ виртуозу Блюму, а въ другой мнѣ съ механикомъ Шмидтомъ. Вновь перекрыта была желѣзомъ церковь, на фонарѣ которой вмѣсто осьмирика я сдѣлалъ куполь. По указанію механика сдѣлалъ планъ для построения каменной и вѣтряной мельницы, да подъ осень ѣздилъ въ Курскую губернію для измѣренія чрезполосныхъ участковъ земли, принадлежащей М. И. и сдѣлалъ имъ планъ. Вотъ и всѣ мои работы; я по большей части читалъ свои книги и переводилъ изъ нихъ.

Но жить въ Хотѣни было весело: часто играли музыки скрипичная духовая, а иногда роговая, доставшіяся М. И. отъ Василія Степ. Попова, правителя канцеляріи свѣтл. князя Потемкина-Таврическаго; сверхъ того пѣвческая, въ которой были двѣ дѣвицы, пѣвавшія аріи; кромѣ Блюма былъ капельмейстеръ музыки, а другой пѣніа-французъ поваръ готовилъ вкусныя и роскошныя блюда; а притомъ М. И. любилъ пить и хорошее вино. Часто къ нему ѣзжали полковые Сумскаго гусарскаго полка, квартировавшіе тогда въ Сумахъ. Въ сентябрѣ родилась ему дочь, названная Елисаветою; она была тогда только одна, потому что сынъ Иванъ, рожденный прежде, въ младенчествѣ умеръ. Тутъ-то было веселья и празднества при крестинахъ! Эта дочь по возрастѣ выдана была за ген. Бутурлина, извѣстнаго описателя войны 1812 г. За нею въ приданое даны ему были Хотѣнь со всѣми близъ лежащими деревнями. При подаркахъ всѣмъ, живущимъ у М. И., и мнѣ достались се-

ребрянные часы, бывшіе у меня даже и въ Сумахъ. Жившій со мной въ одной комнатѣ отставной майоръ рассказывалъ происшествіе о великихъ необыкновенныхъ хитростяхъ М. И., употребленныхъ имъ для успѣха въ женитбѣ на Ан. Ан. Она родилась по смерти своего отца Ан. Кондратьева въ Курскѣ въ домѣ бабушки своей Страмилихи, бывшей опекуншей всего ея имѣнія и гдѣ всегда жила ея мать Е. П. Рохманова *). При достиженіи совершеннолѣтія, за нею присватывались молодые женихи, сыновья графовъ и князей, но М. И., бывши уже подъ сорокъ лѣтъ, отбилъ у нихъ эту богатую невѣсту. Въ царствованіе Императора Павла онъ былъ губернаторомъ въ Курскѣ; вознамѣрясь жениться на ней, онъ дѣлывалъ частыя роскошныя угощенія обѣдами, вечеринками и балами; музыка была всегда съ нимъ и въ Курскѣ, и онъ былъ любитель ея. О своемъ замыслѣ жениться на этой невѣстѣ онъ увѣдомилъ графа Ал. Ан. Безбородко, съ которымъ былъ въ великой дружбѣ по волокитству. Въ зимнее время завелъ послѣобѣденное катанье и почти всегда преимущественно приглашалъ Ан. Ан. кататься съ нимъ на превосходномъ козыркѣ и превосходныхъ лошадяхъ. Поѣхавши по губерніи для обревизованія присутственныхъ мѣстъ, онъ имѣлъ неосторожность взять съ собою и нѣсколькихъ музыкантовъ для увеселенія дворянъ. Кто-то изъ его недоброхотовъ донесъ Государю, что губернаторъ, объѣзжая губернію, поручилъ своему секретарю ревизовать дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, а самъ увеселялъ своихъ дворянъ музыкою. Государь, при докладѣ о семъ, велѣлъ приготовить указъ объ удаленіи Курскаго губернатора. Безбородко прислалъ ему фельдъегеря съ увѣдомленіемъ объ этомъ роковомъ повелѣніи и чтобъ онъ поспѣшилъ своею женитбою на богатой невѣстѣ; что онъ можетъ продержатъ указъ день, другой, но не долѣе. М. И., не упуская времени, приглашаетъ гостей къ себѣ на катанье, сажаетъ съ собою А. А., объясняется ей въ своей любви и получаетъ отъ нея согласіе выйти за него замужъ. На другой день поутру пріѣзжаетъ къ ея бабушкѣ, проситъ ее въ кабинетъ для личнаго съ нею объясненія; открывается ей въ любви къ ея внучкѣ и въ желаніи жениться на ней. Чтобы избѣгнуть затрудненія въ рѣшительномъ отвѣтѣ, что это зависитъ отъ ея матери, тогда онъ матушку просилъ въ кабинетъ; она отвѣчала ему, что дочь ея совершеннолѣтняя и отъ нея собственно зависитъ избрать себѣ жениха. М. И. такой-то отвѣтъ и нуженъ былъ. Войдя въ гостиную и подойдя А. А., цѣлуя у ней руку, онъ объяснилъ ей въ страстной своей любви и что онъ почелъ-бы себѣ счастіемъ, если-бъ она согласилась выйти за него замужемъ. Эта простодушная и добрая малороссіянка отвѣчала: „Я согласна“. Тогда бабушка ахнула, мать ахнула. М. И. первую попросилъ въ кабинетъ для объясненія и спросилъ, что ей нужно? Она отвѣчала: „я опекунша имѣнія моей внуки съ самаго малолѣтства, женщина малограмотная, ни ѣздилъ осматривать имѣніе; всегдашній Любченко по своему желанію показывалъ ей доходы въ вѣдомостяхъ, и она принимала ихъ за вѣрныя. Вы, сдѣлавшись мужемъ моей внуки, можете быть потребуе отъ меня за всѣ годы строгихъ отчетовъ?“ М. И. клятвенно увѣрилъ ее, что ни онъ, ни будущая жена его вовсе не будутъ требовать отчетовъ о доходахъ. „Теперь согласны-ли Вы?“— „Да вотъ, М. И., деревенька подъ Курскомъ съ водяною мельницею, гдѣ для дома всегда кормились скотъ и птицы, она впередъ для моего дома будетъ необходима.“— „Это деревня Ваша; ну теперь согласны-ли?“ онъ спросилъ. Получа отвѣтъ о ея согласіи, попросилъ въ кабинетъ также матушку. Онъ спросилъ ее: „что вамъ нужно?“ Она отвѣчала, что на седьмую часть имѣнія давно выдѣлено ей въ селѣ Бобрикѣ

*) Ел. Петр. безвыѣздно жила съ двумя дочерьми дѣвками; Г. Н., ея сынъ часто пріѣзжалъ съ дядею своимъ генераломъ Гавр. Михайловичемъ Рохмановымъ. Также долго здѣсь жила съ малолѣтнимъ сыномъ меньшая сестра Ел. Петр. княгиня Горчакова, которой мужъ былъ сосланъ въ Сибирь; онъ находился при продовольствіи французскаго корпуса Принца Кондэ и дѣлалъ для расплаты фальшивыя ассигнаціи.

1000 душъ, а теперь на седьмую долю по числу крестьянскаго имѣнія слѣдуетъ 1200 душъ съ землею. Онъ также клятвенно увѣрилъ ее, что эти 200 душъ будутъ ей прибавлены. Онъ спросилъ: „теперь согласны-ли?“ Она отвѣчала: „отъ другаго покойнаго мужа моего остался въ Москвѣ каменный домъ; въ немъ никто не живетъ, онъ совсѣмъ мнѣ не нуженъ; кромѣ городскихъ повинностей не приноситъ мнѣ никакого дохода“. Онъ спросилъ: „Чего этотъ домъ стоитъ?“—„Сорокъ тысячъ ассигнаціями“.—Онъ отвѣчалъ: „Я заплачу ихъ Вамъ. Теперь согласны-ли?“ Получивъ и отъ матери согласіе по настоянію его, на другой-же день онъ обвинчался; и тогда-же или на слѣдующій день былъ полученъ изъ Сената указъ объ удаленіи его отъ должности губернатора. Любовницу свою, у которой отъ него было два сына, онъ утѣшилъ тѣмъ, что выдалъ ее за маіора Ковалинскаго и отдѣлилъ ей изъ его отцовскаго имѣнія Херсонской губ., Александровскаго уѣзда, села Онуфриевки, лежащаго за Кременчугомъ, 200 душъ. Съ торжествомъ онъ пріѣхалъ весною въ 1800 году съ женою своею въ имѣніе ея 8000 душъ и нѣсколько десятковъ тысячъ земли. Зажилъ здѣсь припѣваючи и начиналъ обстроивать въ Хотѣни свое жилище и хозяйственныя заведенія, на зиму ѣздя въ Москву веселиться. Анна Ан. ни въ какія его распоряженія по управленію имѣнія не входила. Въ 1805 году онъ получилъ дохода 120 тысячъ, какъ по отчету значилось; живя въ Хотѣни, онъ и половины этого дохода не могъ прожить. Зато и онъ доставлялъ ей полное удовольствіе, условясь съ содержателями столичныхъ иностранныхъ магазиновъ, чтобъ они присылали женѣ его каждый разъ новыхъ модъ платья, шляпки, обувь и вновь вышедшіе французскіе романы. Но М. И. не умѣлъ цѣнить нѣжности и привязанности къ нему своей супруги; нерѣдко ей измѣнялъ, между тѣмъ какъ она оставалась ему всегда вѣрною. Кажется, что Комбурлей поступилъ гораздо умнѣе Каразина въ сватовствѣ и женитьбѣ, получивъ напередъ согласіе отъ невѣсты; все то же, что узнавъ напередъ бродъ, тогда сунулся въ воду. Между тѣмъ какъ вообще полагаютъ, что греки не такъ хитры, какъ Армяне и что на двухъ грековъ полагаютъ, довольно одного Армянина.

Другой примѣръ тонкой хитрости ума и расчетливости М. И. я былъ самовидцемъ. При мнѣ пріѣзжали въ разное время два чиновника, славившіеся хорошимъ управленіемъ большихъ имѣній; не знаю, сами ли искали мѣста или были вызваны. Первый требовалъ жалованья 7,000 рублей, а другой 10,000 рублей асс. М. И. просилъ каждого изъ нихъ объѣхать съ Любченкомъ, давнишнимъ управителемъ и его крестьяниномъ, обозрѣть всѣ хозяйственныя по имѣніямъ заведенія и сдѣлать свои замѣчанія, что они найдутъ нужнымъ исправить или вновь сдѣлать. Эти замѣчанія онъ давалъ Любченку для руководства, а ихъ обнадежилъ, что когда онъ признаетъ нужнымъ имѣть ихъ управителями своего имѣнія, то дастъ имъ знать. При этихъ случаяхъ какъ будто принималъ въ расчетъ, что Любченку онъ платитъ жалованья только 60 рублей; а если онъ вздумаетъ воровать у него, то онъ всегда имѣетъ возможность отобрать у него, не такъ какъ у наемныхъ управителей. Въ такомъ намѣреніи до самой смерти не отпустилъ, какъ говорятъ, на волю самого Любченка, а только его сына.

М. И. по обыкновенію готовился ѣхать въ Москву по первому санному пути и назначилъ маіору ѣхать впередъ для заготовленія лошадей; а я долженъ былъ остаться въ Хотѣни безъ всякаго дѣла. Являсь къ нему, я просилъ вовсе уволить меня: что у него нѣтъ для меня никакой работы и что я совѣщусь даромъ получать онъ него жалованье. На это онъ съ ласковымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ: „В. И., я хочу, чтобы ты жилъ у меня, и никакой не будетъ для тебя работы; платить тебѣ положенное жалованье я охотно буду; это для меня не составляетъ важности“. Не знаю, въ такомъ добромъ расположеніи ко мнѣ не имѣлъ-ли онъ намѣренія выдать за меня свою племянницу Катерину Зоевну Афинжеевну, дѣвушку безъ всякаго образованія, пріѣхавшую изъ Нѣжина гречанку.—Онъ самъ замѣтилъ сердечное ея ко мнѣ расположеніе; какъ онъ любилъ пошутить и посмѣяться

при всякомъ случаѣ надѣ кѣмъ-бы то ни было, то однажды за столомъ при всѣхъ сказалъ: „Что ты, Катенька, часто и умильно смотришь на В. И.? Не влюблена ли ты въ него?“

По отъѣздѣ М. И. въ Москву, поѣхалъ и я въ Поповку къ А. А. Тамъ, по обыкновенію, началъ заниматься архитектурою и литературою; ходить по лѣсу нельзя уже было; но мы бесѣдовали, ходя по комнатѣ. Передъ праздникомъ Рождества Хр. съ присланнымъ изъ Хотѣни подводчикомъ неожиданно получаю письмо отъ М. И. слѣдующаго содержанія: „Я вознамѣрился перестроить свой домъ въ Москвѣ; для этого Вы нужны будете мнѣ здѣсь для надзора за матеріалами и мастеровыми. Поспѣшите своимъ приѣздомъ“. А. А. сказалъ мнѣ, что въ Москвѣ въ Департаментѣ Сената служитъ оберъ-прокуроромъ Боборыкинъ, племянникъ его жены А. А. Если хочешь, я напишу ему письмо и буду просить его доставить тебѣ мѣсто въ коронной службѣ, когда ты не захочешь жить въ партикулярной должности. Я согласился на это, и онъ дѣйствительно писалъ ему обо мнѣ.

Забравши все свои вещи (даже и астролябію, которая была у меня и въ послѣдующей службѣ моей была мнѣ необходима), я поѣхалъ и благополучно достигъ Москвы. Молодой архитекторъ привозилъ планъ для перестройки дома М. И. съ великолѣпною галлереею коринтскаго ордена; а мнѣ велѣлъ объѣхать и осмотрѣть въ окрестности Москвы кирпичные заводы и узнать цѣну кирпича, что я и выполнилъ. Однажды прихожу къ М. И. и застаю у него об. прокурора Боборыкина, который по указанію М. И. обратился ко мнѣ съ объясненіемъ, что ему пишетъ его родственникъ А. А. Ц. и проситъ дать вамъ коронное мѣсто; но я не могу инаго вамъ доставить, какъ писца въ Сенатѣ съ жалованьемъ 120 или 150 руб. Объ этомъ я увѣдомилъ А. А., который письмомъ отъ 10 февраля 1806 года предлагалъ мнѣ это-же жалованье въ его пустынь, гдѣ я найду непременно искренность, непритворную простоту и безкорыстную ко мнѣ любовь. Но это письмо доставлено мнѣ было въ Петербургъ гораздо послѣ, но приѣздѣ туда уже Анны Андреевны. Григорій Романовичъ Шидловскій приѣхалъ въ Москву зимою 1805 г. по своимъ дѣламъ. Былъ у М. И., съ которымъ прежде не былъ онъ вовсе знакомъ; увидѣвъ меня, кинулся обнимать и цѣловать. М. И. удивился его привязанности ко мнѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на квартиру, и я съ нимъ ѣздилъ по городу и бесѣдовалъ. Они другъ другу не понравились, какъ послѣ я слышалъ сужденія о немъ, и М. И. Хрущовъ былъ долженъ 50 или 60 тысячъ Григорію Ром. съ залогомъ Степановки, Сумскаго уѣзда, и по убѣдительной Хрущова просьбѣ М. И. далъ ему эту сумму и перевелъ на себя залогъ. М. И. и другое благодѣяніе Хрущову сдѣлалъ. Министръ внутр. дѣлъ Кочубей жаловался ему, что у него въ Полтавской губ. винокуранный заводъ въ худомъ положеніи. М. И. рекомендовалъ ему Хрущова какъ лучшаго во всей Украинѣ винокура. Въ вознагражденіе за его труды. Кочубей постарался опредѣлить двухъ старшихъ его сыновъ въ училище законовѣдѣнія при Сенатѣ, гдѣ они вскорѣ были пожалованы титулярными совѣтниками, а потомъ прямо губернскими страпчими въ Волынской губерніи. Вотъ какъ безкорыстные вельможи благодѣтельствуютъ. М. И. захотѣлъ перестроить свой домъ по той причинѣ, что главнокомандующій Москвы Г. Беклешовъ представилъ его въ губернаторы. Но при докладѣ о немъ М. В. Д. графомъ Кочубеемъ, какъ рассказывали въ домѣ, Государь изволилъ сказать: „Комбурлей—это не русская фамилія; Москва не уважитъ его, ей нуженъ губернаторъ столбовой дворянинъ русской фамиліи“. Покровители М. И. совѣтовали ему изъ Петербурга приѣхать туда, пожить тамъ нѣкоторое время, пока откроется вакансія въ такой губерніи, гдѣ онъ захочетъ быть губернаторомъ. Рѣшась послѣдовать этому совѣту и поѣхать туда на-легкѣ, взялъ и меня съ собою, сказавъ: „В. И.! тебѣ надобно видѣть Петербургъ: тамъ лучшая архитектура домовъ, нежели здѣсь“. Въ дорогѣ я сидѣлъ съ нимъ въ одной кибиткѣ, а въ другой французъ поваръ съ кухонной посудой. Мы ѣхали день и ночь, морозы большіе, и я, имѣя только на себѣ бекешъ подъ калмыцкими смуш-

ками, иногда дрожалъ отъ холоду; М. И., замѣтивши это, однажды сказалъ: „Что, В. И., и философія тебя не грѣетъ“. Я подумалъ: „Хорошо тебѣ, богатъ, сидѣть въ медвѣжьей шубѣ!“ но не смѣлъ это сказать ему.

Въ Петербургѣ М. И. остановился въ домѣ В. С. П. на Неву, гдѣ никто не жилъ. Отыскавъ въ верхнемъ этажѣ небольшую комнату, я заперся тамъ; самъ приносилъ дрова и топилъ грубку, потому что съ М. И. пріѣхалъ только его камердинеръ, а съ поваромъ его помощникъ. М. И. ни одного дня не обѣдалъ дома; поваръ всегда мнѣ отказывалъ въ пищѣ, будто бы онъ и для себя ничего не готовилъ. Искать обѣдовъ въ трактирахъ тогда я еще не привыкъ и боялся, а потому всегда довольствовался сухояденіемъ. (Помню, что однажды въ вечеру М. И. мнѣ сказалъ: „насъ мало уважаютъ въ Украинѣ; а вотъ я теперь ѣду къ М. В. Д. играть въ карты, и безъ меня бостонъ не состоится“). По счастію или, правильнѣе сказать, по Божескому обо мнѣ промыслу, въ этомъ-же обширномъ дворѣ на Милліонную улицу былъ другой домъ, и въ верхнемъ его этажѣ помѣщался Госуд. Адмиралт. Департ., гдѣ при его музеумѣ служилъ помощникомъ директора мой лучшій въ жизни другъ Ев. И. Станковичъ. Онъ видѣлъ меня проходящаго въ ворота (только и были одни) этого дома на Милліонную улицу; тотчасъ составилъ себѣ планъ, какъ-бы и меня помѣстить въ этотъ Департаментъ. Помня, что правитель канцеляріи Деп. ст. совѣтникъ Никольскій прежде сказывалъ ему свое сожалѣніе, что его два малолѣтніе сына прежде ходили учиться въ нѣмецкое училище, но, подмочивъ ноги, заболѣли и теперь, оставаясь безъ ученія, теряютъ бесполезно молодья свои лѣта,—онъ предположилъ себѣ, что я охотно буду учить этихъ дѣтей, если буду опредѣленъ въ Деп. Получивъ отъ него согласіе, прибѣгаетъ ко мнѣ и зоветъ меня въ Музеумъ. Тамъ я увидѣлъ и зятя Никольскаго, жившаго нѣкогда въ Поповкѣ, Моисея Григорьевича Ушинскаго. Попробовавъ меня, умѣю-ли извлекать изъ бумагъ содержанія ихъ, для доклада Присутствію, велѣлъ подать мнѣ просьбу объ опредѣленіи меня въ Деп. Чтобы вѣрнѣе уснѣть въ томъ, Е. И. пригласилъ меня поѣхать съ нимъ къ первому члену Деп. вице-адмиралу Александру Семеновичу Шишкову; я отказывался, что не смѣю показаться ему въ старомъ фракѣ. „Ничего“, сказалъ онъ: ты увидишь, какъ онъ меня любитъ“. По пріѣздѣ къ нему, рекомендуетъ меня, что я хорошій его пріятель, лучше роднаго брата, и проситъ его опредѣлить меня въ Деп. Онъ спросилъ: „а есть вакансія?“ Е. И. отвѣчалъ: „есть помощника столоначальника по ученой части“. — „Хорошо!“ сказалъ онъ: „я согласенъ его опредѣлить“. Е. И. спросилъ его, будетъ-ли онъ сегодня въ Деп. „Нѣтъ! я не совсѣмъ здоровъ“, отвѣчалъ онъ. Е. И. просилъ его сдѣлать мнѣ благодареніе—поѣхать и предложить объ опредѣленіи меня. И этотъ добродушный, престарѣлый, почтенивѣйшій вельможа согласился, въ тотъ-же день поѣхалъ и предложилъ Присутствію объ опредѣленіи меня. Третій членъ, д. ст. сов. Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ (извѣстный изданіемъ „Сіонскаго Вѣстника“) не соглашался было на опредѣленіе меня и не хотѣлъ подписать журнала, потому что прежде предлагаемыхъ имъ двухъ человекъ на эту должность правитель канцеляріи Никольскій не одобрилъ. Благодаритель Ев. Ив. А. С. Ш. спросилъ его, почему онъ не подписываетъ журнала? Лабзинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ его самого: „Развѣ вы его знаете?“—„Знаю“, отвѣчалъ онъ: „онъ хорошій человекъ“. Лабзинъ хотѣлъ меня лично видѣть. Е. И. прибѣжалъ за мною. Лабзинъ, поговоря со мной, почему я оставилъ службу въ Г. Пр., а перешелъ служить въ полицію, гдѣ мало могъ пріобрѣсть познанія, и оставшись доволенъ моимъ отвѣтомъ, сказалъ: „я согласенъ на принятіе васъ въ Деп.“. Представили объ утвержденіи меня въ должности Тов. Мин. Морскихъ Силъ г-ну Чичагову. Въ это время возвратился изъ Англій садовникъ Слезакъ; М. И., призвавши меня, велѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Украину, сказавши, что я уже довольно насмотрѣлся въ Петербургѣ, но я просилъ его позволить мнѣ остаться въ Петербургѣ. „Зачѣмъ?“ спросилъ онъ. „Я ищу здѣсь опредѣлиться къ коронной должности“. — „Куда?“—спросилъ онъ. „Въ Гос. Ад. Деп.“—„Кто тамъ

первый членъ?"—Я сказалъ ему: „вице-адмиралъ Шишковъ“. На что онъ сказалъ: „онъ худо играетъ въ бостонъ, но я буду ему васъ рекомендовать“. Тогда я, поблагодаря ему, сказалъ, что по его одобренію я уже представленъ г. Чичагову.

Такъ-то я чудеснымъ образомъ неожиданно былъ опредѣленъ въ Гос. Адм. Деп. помощникомъ столоначальника по ученой части съ жалованьемъ 750 р. ас. 16 февр. 1806 г.; и въ семь опредѣленіи видѣлъ явный промыслъ Божій о мнѣ.

Послѣ окончанія службы въ Херсонѣ, авторъ настоящихъ воспоминаній, въ 1819 году снова посѣтилъ г. Харьковъ, куда пріѣхалъ для того, чтобы держать при университетѣ экзаменъ на чинъ коллежскаго ассесора. Извлекаемъ изъ записокъ все, что относится къ этому времени.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, я остановился въ домѣ у секретаря думы, у котораго и прежде нѣсколько разъ квартировалъ. Евгений Александровичъ Васильевъ *) принялъ меня съ объятіями; я часто бывалъ у него въ домѣ и съ удовольствіемъ проводилъ у него время. Въ университетѣ подалъ прошеніе, съ представленіемъ аттестата изъ училища и формулярнаго о службѣ списка, изъявивъ въ немъ желаніе экзаменоваться на чинъ коллежскаго ассесора. Мнѣ выдали по разнымъ наукамъ вопросы, которые не составляютъ секрета, потому что въ отвѣтахъ на нихъ заключается главное содержаніе каждой науки. Тогда еще былъ ректоромъ университета профессоръ математики Осиповскій, который сказалъ мнѣ, изъ какого сочиненія исторіи можно извлечь отвѣты по всемірной исторіи. Вскорѣ онъ былъ уволенъ за неосторожно высказанное имъ мнѣніе противъ масонской секты въ рѣчи, произнесенной имъ при публичномъ испытаніи. Мѣсто его заступилъ профессоръ греческаго языка. Сыновья его учились въ пансіонѣ у Сергѣя Николаевича Коваленка, моего соученика, съ которымъ я долго жилъ въ одной комнатѣ и пѣлъ съ нимъ. Пансіонъ его въ это время былъ въ домѣ, доставшемся ему отъ наслѣдниковъ бывшаго нашего директора Гус. Бор. Букстевдена и лучшимъ тогда въ Харьковѣ. Онъ рекомендовалъ меня ректору, и это мнѣ много помогло. Также Елисавета Михайловна, жена прокурора Павла Хрисанфовича Лабутина, служившаго въ мое время въ Херсонѣ, жила въ дружбѣ съ женою ректора; она замолвила о мнѣ доброе слово.

Не надѣясь на свою слабую память, я составлялъ отвѣты противъ данныхъ мнѣ вопросовъ по каждой наукѣ и написалъ около трехъ десть бумагъ; по нѣскольку разъ ихъ прочитывалъ и, можно сказать, почти выучивалъ; особенно всемірная и російская исторія, всеобщая и російская географія, также физика много труда мнѣ стоили. Экзаменовался я уже въ началѣ 1820 года. Всѣ экзаменаторы были ко мнѣ весьма снисходительны. Профессоръ російской словесности Борзенко даже ко мнѣ былъ благосклоненъ; онъ назначилъ написать мнѣ сочиненіе, какъ первоначально и постепенно открывались художества, что должно быть мнѣ извѣстнѣе другихъ предметовъ. Преподавателю въ университетѣ Богословія отцу Афанасію Могилевскому прежде еще экзамена я давалъ читать мои три бесѣды, сочиненныя въ Херсонѣ; онъ хвалилъ изъ нихъ „О безсмертіи души“. Но профессоръ физики Комлешинскій, изъ дѣтства мнѣ знакомый, зная, что тогда не учили въ классахъ физики, меня конфузилъ и, видимо, хотѣлъ меня смѣшать. Въ этомъ испытаніи я также видѣлъ на себѣ промыслъ Божій, какъ въ томъ, что я вынималъ на удачу изъ всѣхъ наукъ весьма легкіе къ рѣшенію вопросы, такъ особенно въ томъ, что приглашенъ былъ французъ, чтобы испытать мое знаніе въ разговорномъ языкѣ французскомъ (въ чемъ я былъ мало свѣдущъ, какъ въ позднія лѣта началъ учиться этому языку и разговорами вовсе не занимался); но онъ находился въ другой комнатѣ, и позвабыли его позвать. Чтеніе же мое изъ Телемака, словесный и письменный переводы изъ него одобрили. Итакъ, съ помощію Божіею, я счастливо окончилъ свой экзаменъ и въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ изъ университета хорошій аттестатъ.

*) Профессоръ архитектуры при университетѣ.

Евг. Алек. Васильевъ показывалъ мнѣ планы прожектированной имъ Соборной колокольни и читалъ мнѣ мнѣніе архитектора Стасова, который славился въ Петербургѣ многими зданіями, съ большимъ вкусомъ имъ построенными, и котораго Императоръ Александръ Павловичъ преимущественно предъ другими архитекторами употреблялъ для казенныхъ зданій, а онъ имѣлъ изящный вкусъ въ архитектурѣ. На его замѣчанія Ев. Ал. не придумалъ ничего сказать, какъ только, что столичный архитекторъ не могъ одобрить провинціального архитектора. Я отважился сдѣлать ему свои замѣчанія: что стѣны толстотою въ 2 сажени не могутъ хорошо просохнуть; что для постройки такой высокой колокольни нужно имѣть весьма хорошій кирпичъ, котораго нѣтъ въ Харьковѣ; что такіе большіе свѣсы у карнизовъ невозможно изъ кирпича сдѣлать. На эти замѣчанія онъ мнѣ отвѣчалъ: что въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ мы сдѣлаемъ дыры, чтобы стѣны могли просыхать, что мы сами будемъ дѣлать кирпичъ, что мнѣ хочется, чтобы эта колокольня была выше Кіевской, что карнизы мы будемъ выливать изъ чугуна. Но при постройкѣ этой колокольни оказались трещины, такъ что для опорки ея принуждены были построить на сѣверной и южной сторонахъ двѣ каменные высокія стѣны съ контрфорсами, гдѣ помѣщаются лавки; безъ этой предосторожности это огромное и слишкомъ широкое зданіе колокольни могло подвергнуться паденію. Такое опасеніе заставило строителей уменьшить изъ прожекта одинъ этажъ. Долговременный опытъ во всѣхъ государствахъ и въ разные вѣка показалъ, что эти башенныя строенія тѣ только и долговременны, которыя были построены въ видѣ конуса, постепенно въ широтѣ уменьшаясь. Въ такомъ видѣ построена и Кіево-Печерская колокольня въ половинѣ прошедшаго XVIII столѣтія шведами и притомъ изъ превосходнаго тамошняго кирпича, какого нигдѣ нѣтъ въ Россіи.

Евгеній Алексѣевичъ показывалъ мнѣ и другой свой прожектъ, предназначенный для бібліотеки и обсерваторіи университетской. Фасадъ ея сходенъ съ фасадомъ бібліотеки Кассельской, построенной ле-Ду. Онъ затруднялся, чѣмъ лучше укрѣпить, чтобы не разошлись углы этого весьма широкаго зданія. Строивши его, видно, онъ не придумалъ для этого вѣрнаго способа. Разрушеніе этого зданія составило его несчастье: Государь Николай Павловичъ, бывши въ Харьковѣ послѣ *) года, велѣлъ удалить его отъ должности. Итакъ, начавши свою службу весьма счастливо, онъ кончилъ ее бѣдственно.

Евг. Ал. рассказывалъ мнѣ, что профессоръ физики Аонасій Ив. Стойковичъ, бывши ректоромъ университета, возгордился было этимъ достоинствомъ и хотѣлъ показать свою власть. Въ вакаціонное время Евг. Ал. поѣхалъ въ деревню къ помѣщику Вукутичу. По возвращеніи онъ присылаетъ писмоводителя спросить его, у кого онъ спрашивалъ отпуска? Ев. Ал. не хотѣлъ отвѣчать ему. Онъ на бумагѣ требовалъ отъ него отвѣта; на что онъ сказалъ: пусть возьметъ назадъ свою бумагу, а въ противномъ случаѣ онъ будетъ сожалѣть о своемъ неумѣстномъ поступкѣ. Стойковичъ потребовалъ у него отвѣта другою бумагою. Тогда Ев. Ал. написалъ ему: „я стыжусь отвѣчать такому ректору, который во зло употребляетъ законы: вмѣсто книгъ для университета выписываетъ венгерское вино и разсылаетъ зрителямъ уѣздныхъ училищъ продавать его по назначенной имъ цѣнѣ“. По донесеніи объ этомъ министру просвѣщенія, онъ велѣлъ ему подать въ отставку; въ противномъ случаѣ, отдастъ его подъ судъ. Еще о другомъ низкомъ Стойковича поступкѣ Ев. Ал. рассказывалъ мнѣ. Онъ женился на помѣщицѣ Изюмскаго уѣзда, женщинѣ некрасивой, но у которой было полтора душа крестьянъ. Выпросилъ себѣ землю въ Херсонской губерніи для поселенія крестьянъ; склонилъ жену продать ея землю, а крестьянъ перевести въ ту губернію. Деньги за проданную землю отчасти употребилъ на переселеніе, а отчасти на свои нужды. Потомъ переселенныхъ крестьянъ продалъ тамъ; взявъ деньги, уѣхалъ въ Петербургъ, а жену бросилъ оплакивать ея бѣдственную участь. Я сказалъ Васильеву, что эту землю 12,000

*) Въ подлинникѣ годъ не выставленъ.

десятины отводилъ въ натурѣ я; собралъ понятыхъ и рабочихъ изъ разныхъ селеній, которыхъ онъ отказалъ кормить и заплатить за труды ихъ. За мое же усердіе и безкорыстіе, онъ также отплатилъ мнѣ неблагодарностію.

Соученикъ мой Степанъ Григорьевичъ Чернышевъ изъ уѣзднаго землемѣра сдѣланъ губернскимъ архитекторомъ, нажилъ себѣ порядочный домикъ; жена его умерла, оставя ему сына. Братъ его Борисъ, бывший въ Полтавской губерніи уѣзднымъ землемѣромъ, умеръ, и онъ принялъ къ себѣ его дочь *). На вопросы мои объ умершемъ дядѣ моемъ Петрѣ Антоновичѣ, онъ разсказалъ: что по отставкѣ онъ жилъ въ скудости, и некому было его хоронить. Сынъ его Николай тогда служилъ при Новгородской гимназіи, пріѣхалъ въ Харьковъ, продалъ отцовскій домъ и поѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Я видѣлъ уже каменный двухъ-этажный домъ, построенный на Кіевскую улицу какимъ-то купцомъ. Я ходилъ на кладбище подь Холодную гору, пересмотрѣлъ всѣ на крестахъ и памятникахъ надписи; но могилы почтеннѣйшаго этого моего благодѣтеля и добрѣйшаго чело-вѣка не нашелъ и принужденъ былъ возвратиться съ горестію.

Степанъ Григорьевичъ также мнѣ разсказалъ съ сердечнымъ прискорбіемъ, какія непріятности перенесъ Григорій Ром. Шидловскій отъ своего сына Θεодора (моего ученика). По выходѣ поручикомъ, онъ жилъ безалаберно слюбился съ дочерью роднаго своего дяди Р. Р. Шидловскаго (тайно женился на ней или хотѣлъ жениться); уѣхалъ съ ней за границу и жилъ въ Вѣнѣ. Безутѣшный отецъ, въ тяжелой горести своей, сдѣлалъ духовную, которою утвердилъ свое недвижимое и движимое имущество за Н. Н. Надаржинскою, отдавъ прежде ей въ залогъ Мерчикъ, будто бы за занятія у нея двѣсти тысячъ рублей. Итакъ, кончилъ жизнь свою въ прискорбной и безотрадной горести. Передъ смертію послѣднюю онъ имѣлъ отраду отъ своихъ слугъ и крестьянъ, отпустилъ изъ нихъ сто чело-вѣкъ на волю, какъ видно изъ описанія Слободско-Украинской губерніи еписк. Филарета. Родная сестра Гр. Р. Шидловскаго графиня Варвара Романовна Подгоричани при старости своей испытала подобную горькую участь: старшій сынъ ея Михайло въ молодости не женился; жилъ всегда въ разслабленномъ состояніи, въ какомъ и умеръ. А меньшой, любимецъ ея Θεодоръ, уѣхавшій въ Петербургъ (противъ ея воли), хотѣлъ опредѣлиться или былъ уже опять опредѣленъ въ военную службу; съ кѣмъ-то вышелъ на дуэль и имъ убитъ. Племянники ея мужа, гр. Подгоричани, Вуичи или Вукотичи, по суду овладѣли ея Пархомовкою, изъ которой досталась ей седьмая часть. Я былъ у нея въ томъ домѣ, который въ Харьковѣ построенъ по моему плану, ласково ею былъ принятъ; примѣтилъ на лицѣ какую-то печаль, но не смѣлъ распрашивать о ея семейныхъ дѣлахъ. Къ немалому удивленію моему, увидѣлъ чрезъ улицу прямо противъ ея дома построенный еще Гр. Ром. на купленномъ имъ мѣстѣ каменный домъ, совершенно сходный съ домомъ Пар. Мих. Штеричевой въ Басахъ. 6-го декабря видѣлъ въ Николаевской церкви Н. Н. Надаржинскую старухою, уже потерявшею всю пріятность лица своего; не узналъ ее, но Борисъ Бор. Лопатинскій подвелъ меня къ ней, какъ стараго знакома Гр. Ром. Я учтиво поклонился, тѣмъ дѣло и кончилось, но въ домѣ ея не хотѣлъ быть.

Наставникъ мой Ал. Ал. Палицынъ давно уже умеръ; итакъ, ничто уже не привязывало меня къ родинѣ моей. Мнѣ надобно было искать мѣста для службы; видѣвъ, что экзаменъ мой идетъ удачно, я прежде еще послалъ просьбу къ благодѣтелю моему графу Ланжерону, прося его дать мнѣ приличное мѣсто въ трехъ управляемыхъ имъ губерніяхъ Новороссійскаго края. На первой недѣлѣ великаго поста я выѣхалъ изъ Харькова въ Одессу; черезъ Днѣпръ и Бугъ переѣзжалъ еще по льду, а въ Одессѣ нашелъ по улицамъ глубокую грязь.

*) О Чернышевыхъ см. Харьк. календарь на 1886 г. научный отдѣлъ стр. 152.—П. Е.